

Супруги Орловы. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Супруги Орловы. Максим Горький

...Почти каждую субботу перед всеобщей из двух окон подвала старого и грязного дома купца Петунникова на тесный двор, заваленный разную рухлядью и застроенный деревянными, покосившимися от времени службами, рвались ожесточённые женские крики:

- Стой! Стой, пропойца, дьявол! - низким контральто кричала женщина.
- Пусти! - отвечал ей тенор мужчины.
- Не пущу я тебя, изверга!
- Вр-решь!пустишь!
- Убей, не пущу!
- Ты? Вр-решь, еретица!
- Батюшки! Убил, - ба-атюшки!
- Пу-устишь!

При первых же криках Сенька Чижик, ученик маляра Сучкова, целыми днями растиравший краски в одном из сарайчиков во дворе, стремглав вылетал оттуда и, сверкая глазёнками, чёрными, как у мыши, во всё горло орал:

- Сапожники Орловы стражаются! Ух ты!

Страстный любитель всевозможных происшествий, Чижик подбегал к окнам квартиры Орловых, ложился животом на землю и, свесив вниз свою лохматую, озорную голову с бойкой рожницей, выпачканной охрой и мумией, жадными глазами смотрел вниз, в тёмную и сырую дыру, из которой пахло плесенью, варом и прелой кожей. Там, на дне её, яростно возились две фигуры, хрипя и ругаясь.

- Убьёшь ведь, - задыхаясь, предупреждала женщина.
- Н-ничего! -уверенно и с сосредоточенной злобой успокоивал её мужчина.

Раздавались тяжёлые, глухие удары по чему-то мягкому, вздохи, взвизгивания, напряжённое кряхтенье человека, ворочающего большую тяжесть.

- И-эх ты! Ка-ак он её колодкой-то саданул! - иллюстрировал Чижик ход событий в подвале, а собравшаяся вокруг него публика - портные, судебный рассыльный Левченко, гармонист Кисляков и другие любители бесплатных развлечений - то и дело спрашивали Сеньку, в нетерпении дёргая его за ноги и за штанишки, пропитанные красками:

- Ну?
- Сидит на ней верхом и мордой её в пол тычет, - докладывал Сенька, сладострастно поёживаясь от переживаемых им впечатлений...

Публика тоже наклонялась к окнам Орловых, охваченная горячим стремлением самой видеть все детали боя; и хотя она уже давно знала приёмы Гришки Орлова, употребляемые им в войне с женой, но всё-таки изумлялась:

- Ах, дьявол! Разбил?
- Весь нос в кровь - так и тикёт! - захлебываясь, сообщал Сенька.
- Ах ты, господи, боже мой! - восклицали женщины. - Ах, изверг-мучитель!

Мужчины рассуждали более объективно.

Супруги Орловы. Максим Горький gorkiymaxim.ru

- Беспременно он её должен до смерти забить, - говорили они.

А гармонист тоном провидца заявлял:

- Помяните моё слово - ножом распотрошит! Устанет возиться вот таким манером, да сразу и кончит всю музыку!

- Кончил! - вскакивая с земли, вполголоса сообщал Сенька и мигом отлетал от окон куда-нибудь в сторону, в уголок, где занимал новый наблюдательный пост, зная, что сейчас должен выйти на двор Орлов.

Публика быстро расходилась, не желая попадаться на глаза свирепого сапожника; теперь, по окончании сражения, он терял в её глазах всякий интерес и, вместе с этим, был не безопасен.

Обыкновенно на дворе не было уже ни одной живой души, кроме Сеньки, когда Орлов являлся из своего подвала. Тяжело дыша, в разорванной рубахе, с растрёпанными волосами на голове, с царапинами на потном и возбуждённом лице, он исподлобья оглядывал двор налитыми кровью глазами и, заложив руки за спину, медленно шёл к старым розвальням, лежавшим кверху полозьями у стены дровяного сарая. Иногда он при этом ухарски посвистывал и так смотрел по сторонам, точно имел намерение вызвать на бой всё население дома Петунникова. Затем он садился на полозья розвален, отирал рукавом рубахи пот и кровь с лица и замирал в усталой позе, тупо глядя на стену дома, грязную, с облезлою штукатуркой и с разноцветными полосами красок, - маляры Сучкова, возвращаясь с работы, имели обыкновение чистить кисти об эту часть стены.

Орлову было лет под тридцать. Нервное лицо с тонкими чертами украшали маленькие тёмные усы, резко оттеняя полные, красные губы. Над большим хрящеватым носом почти срастались густые брови; из-под них смотрели всегда беспокойно горевшие, чёрные глаза. Среднего роста, немного сутулый от своей работы, мускулистый и горячий, он, долго сидя на розвальнях в каком-то оцепенении, рассматривал раскрашенную стену, глубоко дыша здоровой, смуглой грудью.

Солнце уже село, но на дворе душно; пахнет масляной краской, дёгтем, кислой капустой и какой-то гнилью. Из всех окон обоих этажей дома на двор льются песни и брань, иногда чья-нибудь испитая физиономия с минуту рассматривает Орлова, высунувшись из-за косяка, и исчезает, усмехаясь.

Являются маляры с работы; проходя мимо Орлова, они искоса смотрят на него, перемигиваются между собой и, наполняя двор бойким костромским говором, собираются кто в баню, кто в кабак. Сверху из второго этажа сползают на двор портные - народ полуодетый, худосочный и кривоногий, начинают подтрунивать над костромичами-малярами за их горохом рассыпающуюся речь. Весь двор наполняется шумом, бойким и живым смехом, шутками. Орлов сидит в своём углу и молчит, ни на кого не глядя. Никто не подходит к нему и никто не решается пошутить над ним, ибо знают, что теперь он - зверь лютей.

Он сидит, охваченный глухой и тяжёлой злобой, которая давит ему грудь, затрудняя дыхание, ноздри его хищно вздрагивают, а губы искривляются, обнажая два ряда крепких и крупных жёлтых зубов. В нём растёт что-то бесформенное и тёмное, красные, мутные пятна плавают пред его глазами, тоска и жажда водки сосёт его внутренности. Он знает, что, когда он выпьет, ему будет легче, но пока ещё светло, и ему стыдно идти в кабак в таком оборванном и истерзанном виде по улице, где все знают его, Григория Орлова.

Он не хочет выходить на всеобщее посмешище, но и пойти домой, чтобы одеться и умыться, тоже не может. Там, на полу, лежит избитая жена, а она ему теперь всячески противна.

Она там стонет, чувствует, что она мученица и что она права пред ним, - он знает это. Он знает и то, что она действительно права, а он виноват, это ещё более усиливает его ненависть к ней, потому что рядом с этим сознанием в душе его кипит злобное тёмное чувство и оно сильнее сознания. В нём всё смутно и тяжело, и он безвольно отдаётся тяжести своих внутренних ощущений, не умея разобраться в них и зная, что только полбутылка водки может облегчить его.

Вот идёт гармонист Кисляков. Он в плисовой безрукавке, в красной шёлковой

Супруги Орловы. Максим Горький gorkiymaxim.ru
рубашке, в шароварах, заправленных в щегольские сапоги. Подмышкой у него гармоника в зелёном мешке, чёрненькие усики закручены в стрелки, картуз ухарски надет набекрень, и всё лицо сияет удалью и весельем. Орлов любит его за удалство, за игру, за весёлый характер и завидует его лёгкой, беззаботной жизни.

С по-бед-дой, Гриша, поздравляю

И с расцар-рапанной щекой!

Орлов не сердится на него за эту шутку, хотя он уже слышал её раз пятьдесят, да гармонист и не со зла говорит это, а просто потому, что шутить любит.

- Что, брат! опять Плевна была? - спрашивает Кисляков, останавливаясь на минутку перед сапожником. - Эх ты, Гриня, спела дыня! Шёл бы ты туда, куда всем нам дорога... Ключули бы мы с тобой.

- Я скоро, - не поднимая головы, говорит Орлов.

- Жду и страдаю по тебе...

Вскоре уходит и Орлов.

Тогда из подвала, держась за стены, выходит маленькая, полная женщина. Голова у неё плотно закутана платком, из отверстия на лице смотрит только один глаз, кусок щеки и лба. Пошатаваясь, она идёт через двор и садится на то место, где сидел её муж. Её появление никого не удивляет - к этому привыкли, и все знают, что она просидит тут до той поры, пока Гришка, пьяный и настроенный на покаянный лад, не появится из кабака. Она выходит на двор потому, что в подвале душно, и для того, чтобы свести с лестницы пьяного Гришку. Лестница - полусгнившая и крутая; однажды Гришка упал с неё и вывихнул себе руку, так что недели две не работал, и за это время, чтобы прокормиться, они заложили почти все пожитки.

С той поры Матрёна и караулила его.

Иногда кто-нибудь со двора подсаживается к ней, чаще всех Левченко усатый унтер-офицер, в отставке, рассудительный и степенный хохол с гладко остриженной головой и сизым носом. Он садится и, позёвывая, спрашивает:

- Снова подрались?

- А тебе что? - недружелюбно и задорно говорит Матрёна.

- А ничего! - объясняет хохол, и после этого оба они долго молчат.

Матрёна тяжело дышит, и в груди у неё что-то хрипит.

- И чего вы всё воюете? Чего б вам делить? - начинает рассуждать хохол.

- Наше дело... - кратко говорит Матрёна Орлова.

- Ваше, это так, - соглашается Левченко, кивая головой.

- Так чего же ты лезешь ко мне? - резонно заявляет Орлова.

- Фу ты, какая! Слова ей не скажи! Как посмотрю я на вас - пара вы с Гришкой! Батогами бы вас лупить надо каждый день - раз поутру и раз вечером - вот что! Были бы тогда оба не такие ежи...

И, рассерженный, он уходит прочь от неё, чем она очень довольна: по двору давно уже ходит говор, что хохол недаром к ней ластится, она зла на него, на него и на всех людей, которые суются не в своё дело. А хохол идёт в угол двора прямой солдатской походкой, бодрый и сильный, несмотря на свои сорок лет.

Вот откуда-то к нему под ноги подвёртывается Чижик.

- Она тоже, дяденька, редька, Орлиха-то! - вполголоса сообщает он Левченко, подмигивая туда, где сидит Матрёна.

- Вот я тебе такую пропишу, где нужно, редьку! - усмехаясь в усы, грозит хохол. Он любит бойкого Чижика и внимательно слушает его, зная, что Чижика известны все тайны двора.

- Около неё не обрыбишься, - не обращая внимания на угрозу, поясняет Чижик. - Максимка-маляр пробовал, дык она его так смазала! Я сам слышал здорово! Прямо по харе, как по барабану!

Полуребёнок, полувзрослый, несмотря на свои двенадцать лет, живой и впечатлительный, он, как губка влагу, жадно впитывает в себя грязь окружающей его жизни, на лбу у него уже есть тонкая морщинка, признак, что Сенька Чижик думает.

...На дворе темно. Над ним сияет, весь в блеске звёзд, квадратный кусок синего неба, и, окружённый высокими стенами, двор кажется глубокой ямой, когда с него смотришь вверх. В одном углу этой ямы сидит маленькая женская фигурка, отдыхающая от побоев, ожидая пьяного мужа...

Орловы были женаты четвёртый год. Был у них ребёнок, но, прожив около полутора года, умер; они оба недолго горевали о нём, успокоившись в надежде иметь другого.

Подвал, где они помещались, - большая, продолговатая, тёмная комната со сводчатым потолком. Прямо у двери - большая русская печь, челом к окнам; между ней и стеной - узенький проход в квадрат, освещённый двумя окнами, выходившими во двор. Свет падал из них в подвал косыми, мутными полосами, в комнате было сыро, глухо и мертво. Жизнь билась где-то там наверху, а сюда залетали от неё только глухие, неопределённые звуки, падавшие вместе с пылью в яму к Орловым бесцветными хлопьями. Против печи, по стене деревянная двухспальная кровать за ситцевым пологом, жёлтым, с розовыми цветами; у другой стены - стол, на нём пили чай и обедали, а между кроватью и стеной, в двух полосах света, супруги работали.

По стенам лениво путешествовали тараканы, объедая хлебный мякиш, которым были приклеены к штукатурке картинки из журналов; унылые мухи летали повсюду, скучно жужжа, и засиженные ими картинки смотрели тёмными пятнами с грязносерого фона стен.

День Орловых начинался так: часов в шесть утра Матрёна просыпалась, умывалась и ставила самовар, не раз искалеченный в пылу драк и весь покрытый заплатами из олова. Пока кипел самовар, она убирала комнату, ходила в лавочку, потом будила мужа; он вставал, умывался, а самовар уже стоял на столе, шипя и курлыкая. Садились пить чай с белым хлебом, которого съедали вдвоём фунт.

Григорий работал хорошо, и работа у него была всегда, за чаем он распределял её. Он делал чистую работу, требовавшую руки мастера, - жена сучила дратву, подклеивала поднаряд, делала набойки на стоптанные каблуки и тому подобные мелочи. За чаем обсуждался обед. Зимой, когда надо есть больше, это был довольно интересный вопрос; летом из экономии печь топили только по праздникам, и то не всегда, питались же преимущественно окрошками из кваса, с добавлением луку, солёной рыбы, иногда мяса, сваренного у кого-нибудь на дворе. Кончив чай, садились работать: Григорий на квашонку, обитую кожей и с трещиной на боку, жена рядом с ним - на низенькую скамейку.

Сначала работали молча - о чём им было говорить? Перекинутся парой слов, относящихся к работе, и молчат по полчаса и больше. Стучит молоток, шипит дратва, продёргиваемая сквозь кожу. Григорий иногда зевнёт и непременно заключит зевок протяжным рёвом или воем. Матрёна вздыхает. Иногда Орлов запевал песню. Голос у него резкий, с металлическим тембром, но петь он умеет. Слова песни то собирались в жалобный и быстрый речитатив и, как бы боясь не договорить того, что хотели сказать, стремительно рвались из Гришкиной груди, то, вдруг растягиваясь в грустные вздохи - с воплем "эх!", - тоскливые и громкие, летели из окна на двор. Матрёна подтягивала мужу мягким контральто. Лица у обоих становились задумчивы и печальны, тёмные глаза Гришки поддёргивались влагой. Жена его, погружённая в звуки, как-то тупела, сидя точно в полусне и покачиваясь из стороны в сторону, а иногда она точно захлёбывалась песней, разрывая середину ноты паузой, и снова продолжала вести её в унисон голоса мужа. Оба они во время

Супруги Орловы. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
пения не чувствовали присутствия друг друга, стараясь излить в чужих словах пустоту и скуку своей тёмной жизни, хотели, быть может, оформить этими словами те полусознательные мысли и ощущения, которые зарождались в их душах.

Порой Гришка импровизировал:

Э-ох, ты, жи-изнь... эх, да уж ты, жизнь моя треклятая...

Да ты, тоска-а! Эх и ты, тоска моя проклятая,

Проклятущая тоска-а-а!..

Матрёне эти импровизации не нравились, и она обыкновенно в таких случаях спрашивала его:

- Чего ты завыл, как пёс перед покойником?

Он почему-то тотчас же сердился на неё:

- Тупорылая хавронья! Что ты можешь понимать? кикимора болотная!

- Выл, выл, да залаял...

- Молчать твоё дело! Я кто - подмастерье, что ли, твой, что ты мне рацеи-то начитывать суёшься, а?..

Матрёна, видя, что у него напрягаются жилы на шее и глаза блещут гневом, - молчала, молчала долго, демонстративно не отвечая на вопросы мужа, гнев которого гас так же быстро, как и вспыхивал.

Она отвёртывалась от его взглядов, искавших примирения с ней, ожидавших её улыбки, и вся была полна трепетного чувства боязни, что он вновь рассердится на неё за эту игру с ним. Но в то же время сердиться на него и видеть его стремление к миру с ней для неё было приятно, - ведь это значило жить, думать, волноваться...

Оба они - молодые и здоровые люди - любили друг друга и гордились друг другом. Гришка был такой сильный, горячий, красивый, а Матрёна - белая, полная, с огоньком в серых глазах, - "ядрёная баба", - говорили о ней на дворе. Они любили друг друга, но им было скучно жить, у них не было впечатлений и интересов, которые могли бы дать им возможность отдохнуть друг от друга, удовлетворяли бы естественную потребность человека волноваться, думать, - вообще жить. Если б у Орловых была жизненная цель, хоть бы накопление денег грош за грошом, - тогда, несомненно, им жилось бы легче.

Но у них не было и этого.

Постоянно один у другого на глазах, они привыкли друг к другу, знали все слова и жесты один другого. День шёл за днём и не вносил в их жизнь почти ничего, что развлекало бы их. Иногда, по праздникам, они ходили в гости к таким же нищим духом, как сами, иногда к ним приходили гости, пили, пели, нередко - дрались. А потом снова один за другим тянулись бесцветные дни, как звенья невидимой цепи, отягчавшей жизнь этих людей работой, скукой и бессмысленным раздражением друг против друга.

Иногда Гришка говорил:

- Вот так жизнь, ведьма её бабушка! И зачем только она мне далась? Работища да скучища, скучища да работища... - И, помолчав, с поднятыми к потолку глазами, с блуждающей улыбкой, он продолжал: - Родила меня мать по воле божией, - супротив этого ничего не скажешь! Научился я мастерству... это вот зачем? Али, кроме меня, мало сапожников? Ну, ладно, сапожник, а дальше что? Какое в этом для меня удовольствие?... Сижу в яме и шью... Потом помру. Вот, говорят, холера... Ну и что же? Жил Григорий Орлов, шил сапоги - и помер от холеры. В чём же тут сила? и зачем это нужно, чтоб я жил, шил и помер, а?

Матрёна молчала, чувствуя в словах мужа что-то страшное; иногда она просила его не говорить таких слов, потому что они против бога, который уж знает, как

Супруги Орловы. Максим Горький gorkiymaxim.ru
устроить человеку жизнь. А иногда, будучи не в духе, она скептически заявляла мужу:

- А ты бы вот не пил вина-то - и жилось бы тебе веселее, и не лезли бы в голову-то этикие мысли. Другие живут - не жалуется, а копят денежки да свои мастерские на них заводят и живут потом, как господа.

- И выходишь ты за такие деревянные твои слова - чортова кукла! Раскинь мозгами-то, разве я могу не пить, коли в этом моя радость? Другие! Много ты их, других-то, этиких удачливых знаешь? А я разве до женитьбы такой был? Это, ежели по совести говорить, так ты меня сосеешь и жизнь мне теснишь... У, жаба!

Матрёна обижалась, но чувствовала, что муж её прав. В пьяном виде он и весёлый и ласковый, - другие были плодом её фантазии, - и до женитьбы он был весельчак, занятный и добрый...

"Почему это? Неужто и впрямь я ему тяжела?" - думала она.

Сердце её сжималось от горькой думы, ей становилось жаль себя и его: она подходила к нему и, ласково, любовно заглядывая ему в глаза, плотно прижималась к его груди.

- Ну, теперь будет лизаться, корова... - угрюмо говорил Гришка и показывал вид, что хочет оттолкнуть её от себя; но она уже знала, что он этого не сделает, и ещё ближе, ещё крепче жалась к нему.

Тогда у него вспыхивали глаза, он бросал на пол работу и, посадив жену к себе на колени, целовал её много и долго, вздыхая во всю грудь и говоря вполголоса, точно боясь, что его подслушает кто-то:

- Э-эх, Мотря! Живём мы с тобой ай-ай как плохо! Как зверьё, грызёмся... А почему? Такая звезда моя, под звездой родится человек, и звезда - судьба его!

Но это объяснение не удовлетворяло его и, прижав жену к груди, он задумывался.

Они подолгу сидели так в мутном свете и спёртом воздухе своего подвала. Она молчала, вздыхая, но иногда в такие хорошие моменты ей вспоминались незаслуженные обиды и побои, понесённые от него, и она с тихими слезами жаловалась ему на него.

Тогда он, смущённый её ласковыми упрёками, ещё горячее ласкал её, а она всё более разливалась в жалобах. Это, наконец, снова раздражало его.

- Будет скулить! Мне, может быть, в тысячу раз больнее, когда я тебя бью. Понимаешь? Ну и помолчи. Вашей сестре дай волю, так вы и за горло. Брось разговоры. Что ты можешь сказать человеку, ежели ему жизнь осточертела?

В другое время он смягчался под потоком её тихих слёз и страстных жалоб и уныло, задумчиво объяснял:

- Что я с моим характером поделаю? Обижаю я тебя, - это верно. Знаю, что ты у меня одна душа... ну, не всегда я это помню. Понимаешь, Мотря, иной раз глаза бы мои на тебя не смотрели! Вроде как бы объелся я тобой. И подступит мне в ту пору под сердце этакое зло - разорвал бы я тебя, да и себя заодно. И чем ты предо мной правее, тем мне больше бить тебя хочется...

Она едва ли понимала его, но кающийся и ласковый тон успокаивал её.

- Бог даст, как-нибудь поправимся, привыкнем, - говорила она, не сознавая, что они уже давно привыкли и исчерпали друг друга.

- Вот ежели бы дитё у нас родилось - было бы лучше нам, - вздыхая, заявляла она.
- Была бы у нас и забава и забота.

- Так чего же ты? Рожай...

- Да... ведь при таких твоих побоях - не могу я принести. Очень уж ты по животу и по бокам больно бьёшь... Хоть бы ногами-то не бил...

- Ну, - угрюмо и сконфуженно оправдывался Григорий, - разве можно в этом разе соображать, чем, по чему бить надо? Да и я не палач какой... не для удовольствия бью, а от тоски...

- И отчего она завелась в тебе, тоска эта? - грустно спрашивала Матрёна.

- Судьба такая, Мотря! - философствовал Гришка. - Судьба и характер души... Гляди, - хуже я других, хохла, к примеру? Однако хохол живёт и не тоскует. Один он, ни жены, никого... Я бы подох без тебя... А он ничего! Он курит трубку и улыбается, - доволен, дьявол, и тем, что трубку курит. А я так не могу... я родился с беспокойством в сердце. Характер у меня такой... как пружина: нажмёшь на него - дрожит... Выйду я, к примеру, на улицу, вижу то, другое, третье, а у меня ничего нет. Это мне обидно. Хохлу - тому ничего не надо, а мне и то обидно, что он, усатый чорт, ничего не хочет, а я... и не знаю даже, чего хочу... всего! Н-да... Я сижу вот в яме, работаю, а ничего нет у меня. Опять же и ты... Жена ты мне, а - что в тебе занятного? Баба, как баба, со всем бабьим набором... Знаю я всё в тебе; как ты чихнёшь завтра - и то знаю, потому ты уж тысячу раз, может, при мне чихала... Какая же поэтому у меня может быть жизнь и какой интерес? Нет интересу. Ну, я и иду в трактир, потому что там весело.

- А ты зачем женился? - спрашивала Матрена.

- Зачем? - Гришка усмехался. - Чорт меня знает зачем... не надо бы, ежели по совести сказать... В босяки бы лучше уйти... Там хоть голодно, да свободно - иди куда хочешь! Шагай по всей земле!..

- Так иди, а меня отпусти на волю, - заявляла Матрёна, готовая разреветься.

- Это куда? - внушительно спрашивал Гришка.

- А моё дело.

- Ку-уда? - И глаза у него зловеще разгорались.

- Не ори, - не боюсь...

- Али присмотрела себе кого? Говори!

- Пусти!

- Куда пустить? - ревел Гришка.

Он уже держал её за волосы, сбив платок с её головы. Побои озлобляли её, зло же доставляло ей великое наслаждение, возбуждая всю её душу, и она, вместо того, чтобы двумя словами угасить его ревность, ещё более подзадоривала его, улыбаясь ему в лицо многозначительными улыбками. Он бесился и бил её, беспощадно бил.

А ночью, когда она, вся изломанная и измятая, стоная, лежала на постели рядом с ним, он искоса смотрел на неё и тяжело вздыхал. Ему было скверно, совесть мучила его, он понимал, что его ревность не имеет оснований и что он напрасно избил её.

- Ну, будет уж, - сконфуженно говорил он. - Али я виноват? И ты тоже хороша.. Вместо того, чтоб меня уговорить, - подзадориваешь. Зачем это тебе надобно?

Она молчала, но - она знала зачем, знала, что теперь её, избитую и оскорблённую, ожидают его ласки, страстные и нежные ласки примирения. За это она готова была ежедневно платить болью в избитых боках. И она плакала уже от одной только радости ожидания, прежде чем муж успевал прикоснуться к ней.

- Ну, полно, Мотря! Ну, голубушка, а? Полно, прости уж! - Он гладил её волосы, целовал её и скрипел зубами от горечи, наполнявшей всё его существо.

Окна их были открыты, но небо закрывала капитальная стена соседнего дома, и в комнате их, как и всегда, было темно, душно и тесно.

- Эх, жизнь! Каторга ты великолепная! - шептал Гришка, не будучи в состоянии высказать того, что с болью чувствовал. - От ямы это, Мотря. Что мы? Вроде как

Супруги Орловы. Максим Горький gorkiymaxim.ru
бы прежде смерти в землю похоронены...

- Переедем на другую квартиру, - сквозь сладкие слёзы предлагала Матрёна, понимая его слова буквально.

- Э-эх! Не то, тётенька! Хоть на чердак заберись, всё в яме будешь... не квартира - яма... жизнь - яма!

Матрёна задумывалась и опять говорила:

- Бог даст, может, и поправимся...

- Да, поправимся... Часто ты это говоришь. А дело-то у нас, Мотря, не на поправку идёт... Скандалы-то всё чаще, - понимаешь?

Это было верно. Промежутки между их ссорами всё сокращались, и вот, наконец, каждую субботу ещё с утра Гришка уже настраивался враждебно к своей жене.

- Сегодня вечером пошашу и в трактир к Лысому... Напьюсь... объявлял он.

Матрёна, странно щуря глаза, молчала.

- Молчишь? И ужо вот так же молчи, целее будешь, - предупреждал он.

В течение дня он с озлоблением, возраставшим по мере приближения вечера всё более, несколько раз напоминал ей о своём намерении напиться, чувствовал, что ей больно это слышать, и, видя, как она, сосредоточенно молчаливая, с твёрдым блеском в глазах, готовая бороться, ходит по комнате, ещё более свирепел.

Вечером вестник их несчастья, Сенька Чижик, объявлял о "стражении".

Избив жену, Гришка исчезал иногда на всю ночь, иногда не являлся и в воскресенье. Она, вся в синяках, встречала его суровая, молчаливая, но полная скрытой жалости к нему, оборванному, часто тоже избитому, в грязи, с налитыми кровью глазами.

Она знала, что ему надо опохмелиться, и у неё уже было припасено полбутылки водки. Он тоже знал это.

- Дай рюмочку, - хрипло просил он, пил две-три и садился работать...

День проходил у него в угрызениях совести; часто он не выносил их остроты, бросал работу и ругался страшными ругательствами, бегая по комнате или валяясь на постели. Мотря давала ему время перекипеть, тогда они мирились.

Раньше это примирение имело в себе много острого и сладкого, но от времени всё это постепенно выдыхалось, и мирились уже почти только потому, что неудобно же было молчать все пять дней вплоть до субботы.

- Сопьёшься ты, - вздыхая, говорила Мотря.

- Сопьюсь, - подтверждал Гришка и сплёвывал в сторону с видом человека, которому решительно всё равно, спиться или не спиться. - А ты от меня удерёшь, - дополнял он картину будущего, пытливо глядя ей в глаза.

Она с некоторых пор стала опускать их, чего раньше не делала, а Гришка, видя это, зловеще хмурил брови и тихонько скрипел зубами. Но, тайком от мужа, она пока ещё ходила к гадалкам и знахаркам, принося от них наговорные корешки и угли. А когда всё это не помогло, она отслужила молебен святому великомученику Вонифатию, помогающему от запоя, и во всё время молебна, стоя на коленях, горячо плакала, беззвучно двигая дрожащими губами.

И всё чаще и чаще она чувствовала к мужу дикую и холодную ненависть, возбуждавшую в ней чёрные думы, и всё менее жалела она этого человека, три года тому назад так обогатившего её жизнь весёлым смехом, ласками, любовными речами.

Так изо дня в день жили эти, в сущности, недурные люди, жили, ожидая чего-то такого, что окончательно вдребезги разобьёт их мучительно нелепую жизнь...

Однажды, в понедельник, утром, когда Орловы пили чай, на пороге их невесёлого жилища явилась внушительная фигура полицейского. Орлов вскочил и, пытаясь восстановить в своей похмельной голове события последних дней, молчаливо уставился на гостя мутными глазами, полный самых скверных ожиданий. Жена его смотрела пугливо и укоризненно.

- Сюда, сюда, - приглашал кого-то полицейский.

- Темно, как в омуте, чорт бы побрал купца Петунникова, - раздался молодой и весёлый голос, и в подвал вошёл студент в белом кителе, с фуражкой в руке, гладко стриженный, с большим загорелым лбом, весёлыми карими глазами, смешливо сверкавшими из-под очков.

-Здравствуйте! - воскликнул он баском. - Честь имею представиться санитар! Пришёл осведомиться, как поживаете... и понюхать ваш воздух воздух у вас скверный!

Орлов свободно вздохнул и радушно улыбнулся. Ему сразу понравился студент: лицо у него было такое здоровое, розовое, доброе, покрытое на щеках и подбородке русым пухом. Всё оно улыбалось какою-то особенною, ясной улыбкой, от которой в подвале Орловых стало как бы светлее и веселее.

- Ну-с, господа хозяева! - без пауз говорил студент, - помойку опрастывайте почаще, а то от неё идёт этот дух невкусный. Я вам, тётяшка, посоветовал бы мыть её почаще. А у вас, дяденька, почему такой скучный вид? - обратился он к Орлову и тут же, схватив его за руку, стал щупать пульс.

Бойкость студента несколько смутила Орловых. Матрёна растерянно улыбалась, молча оглядывая его, Григорий улыбался недоверчиво.

- Животики у вас как поживают? - спрашивал тот. - Рассказывайте, не стеснясь, - дело житейское, а ежели чуть что неладно, мы вас снабдим разными кислыми лекарствами, и всё как рукой снимет.

- Мы ничего... в добром здоровье, - сообщил Григорий, усмехаясь. - А ежели я не того... так это одна наружность... потому что, - ежели по правде говорить, - с похмелья я несколько.

- То-то я чую носом-то, что как будто бы вы, хозяин, чуть-чуть выпили вчера, - самую малость, знаете.

Он до того уморительно произнёс это и такую при этом скорчил рожу, что Орлов так и прыснул смехом. Матрёна тоже смеялась, закрывая рот передником. Веселее и громче всех смеялся сам студент, он же скорее всех и перестал. Когда расправились вызванные смехом складки кожи вокруг его пухлого рта и глаз, лицо его, простое и открытое, стало как-то ещё проще.

- Выпить рабочему человеку следует, ежели в меру, но - по нынешним временам лучше совсем воздержаться от выпивки. Слышали, какая болезнь ходит между людьми?

И уже серьёзно, понятным языком, он начал рассказывать Орловым о холере и о мерах борьбы с ней. Говорил и расхаживал по комнате, то щупая стену рукой, то заглядывая за дверь, в угол, где висел рукомойник и стояла лохань с помоями, даже нагнулся, к подпечку и понюхал, чем из него пахнет. Голос у него то и дело срывался с басовых нот на теноровые, простые слова его речи как-то сами собой, без усилий со стороны слушателей, одно за другим плотно укладывались в их памяти. Светлые глаза его горели, и весь он был пропитан пылом своей молодой страсти к делу.

Григорий с улыбкой любопытства следил за ним. Матрёна то и дело фыркала носом, полицейский исчез.

- Так насчёт чистоты позаботьтесь сегодня же, хозяева. Тут рядом с вами стройка, каменщики вам на пятак сколько угодно известки дадут. А от выпивки нужно воздержаться, хозяин... Н-ну, пока до свиданья... Я ещё забегу к вам...

Он исчез так же быстро, как явился, оставив воспоминанием о своих смеющихся

Супруги Орловы. Максим Горький gorkiymaxim.ru
глазах довольные улыбки на лицах Орловых, – они были смущены набегом сознательной энергии в их тёмную жизнь.

– А-яй! – протянул Григорий, качая головой. – Вот так – химик! А про них говорят, что они отравляют народ! Да разве человек с такой рожей будет этим заниматься?.. Нет, тут совсем открыто пришёл и сразу – на вот, вот он я! Извёстка – разве это вредно? Лимонная кислота – что такое? Просто кислота и больше ничего! И главное – чистота везде, в воздухе, на полу, в лоханке... Ах, черти! Отравители, говорят... Этакой-то рубаха-парень, а? Рабочему, говорит, человеку в меру выпить всегда следует... слышь, Мотря? Ну-ка, нацеди мне рюмочку, – есть, что ли?

Она очень охотно налила ему полчашки водки из бутылки, неизвестно откуда взятой ею.

– Этот-то действительно хороший... располагающий к себе, – сказала она, улыбаясь при воспоминании о студенте. – А другие, прочие – кто их знает? Может, и впрямь наняты они...

– Да для чего наняты-то, и кем опять же? – воскликнул Григорий.

– Для людского истребления... Говорят, что бедного люда очень много и вышло распоряжение – травить лишних, – сообщила Матрёна.

– Кто это говорит?

– Все говорят. Стряпка от маляров говорила и другие многие...

– И дуры! Да разве это выгодно? Ты подумай: лечат! Это как понимать? хоронят! Это разве не убыток? Тоже нужен гроб, могила и прочее такое... Всё идёт на счёт казны... Ер-рунда! Ежели бы хотели сделать очистку и убавление людей, то взяли бы да и сослали их в Сибирь – там места про всех хватит! Или на необитаемые острова... И приказали бы там работать. Вот тебе и очистка, и очень даже выгодно... Потому что необитаемый остров никакого дохода не даст, ежели не засадить его людьми. А казне – доход первое дело, значит, морить людей да хоронить их на свой счёт ей не рука... Поняла? И опять же студент... озорник он, это точно, но он больше насчёт бунта, а чтобы людей морить... не-ет, его для такой игры не купишь за все медные! Разве сразу не видно, что он к этому делу не способен? Рыло у него не того калибра...

Целый день они толковали о студенте и о всём, что он сообщил им. Вспоминали его смех, его лицо, нашли, что у него на кителе не хватало одной пуговицы, и едва не разругались из-за вопроса: "на какой стороне груди?" Матрёна упорно утверждала, что на правой, её муж говорил – на левой и уже дважды крепко ругнул её, но, вовремя вспомнив, что, наливая водку в чашку, жена не подняла дно бутылки кверху, уступил ей. Потом решили с завтрашнего дня заняться введением у себя чистоты и снова, овеванные чем-то свежим, продолжали беседовать о студенте.

– Нет, какой ведь хлюст! – восхищался Григорий. – Пришёл – точно десять лет знакомы... Обнюхал всё, разъяснил и... больше ничего! Ни крика, ни шума, хотя ведь и он начальство тоже... Ах, раздуй его горой! Понимаешь, Матрёна, тут, брат, есть о нас забота. Сразу видно... Желают нас сохранить в целости, а не то что... Это всё ерунда, насчёт мора, – бабы сказки! живот, говорит, как действует?.. А ежели мор, так на кой ему чорт действие живота знать? А как он ловко разъяснил насчёт этих... как их? дьяволов-то, которые заползают в кишки, ну?

– Как-то вроде небылицы, – усмехнулась Матрёна. – Чай, это так только, для страха, чтобы насчёт чистоты старался народ...

– Ну, там кто их знает, может, и правда... от сырости черви ведь заводятся же. Ах ты, чорт! Как их, этих козявок? Небылицы? Нет... На языке вертится слово, а не поймаю...

Они и когда спать легли, всё ещё говорили о событии с тем наивным воодушевлением, с каким дети делятся между собой впервые пережитым, сильно поразившим их впечатлением. Так они и заснули среди разговора.

Супруги Орловы. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Поутру рано их разбудили. У кровати их стояла дородная стряпка маляров, и её всегда красное, полное лицо против обыкновения было серо и вытянуто.

- Что вы прокладываетесь? - торопливо говорила она, как-то особенно шлёпая толстыми губами. - Холера-то ведь на дворе у нас... Посетил господь! - И она вдруг заплакала.

- Ах, ты - врешь? - воскликнул Григорий.

- А я лоханку-то с вечера не вынесла, - виновато сказала Матрёна.

- Я, милые вы мои, хочу расчёт взять. Уйду я... Уйду... в деревню, говорила стряпка.

- Кого забрало? - спросил Григорий, поднимаясь с постели.

- Гармониста! В ночь схватило .. И схватило, сударики, прямо за живот, вроде как бы от мышьяка бывает...

- Гармонист? - бормотал Григорий. Ему не верилось. Такой весёлый, удалой парень, вчера он прошёл по двору таким же павлином, как и всегда. Пойду взгляну, - решил Орлов, недоверчиво усмехаясь.

Обе женщины испуганно вскрикнули:

- Гриша, ведь зараза!

- Что ты, батюшка, куда ты?

Григорий крепко выругался, сунул ноги в опорки и, растрёпанный, с расстегнутым воротом рубахи, пошёл к двери. Жена схватила его сзади за плечо, он чувствовал, что рука её дрожит, и вдруг озлился почему-то.

- В морду дам! Прочь! - рявкнул он и ушёл, толкнув жену в грудь.

На дворе было тихо и пусто. Григорий, идя к двери гармониста, одновременно чувствовал озноб страха и острое удовольствие от того, что из всех обитателей дома один он смело идёт к больному. Это удовольствие ещё более усилилось, когда он заметил, что из окон второго этажа на него смотрят портные. Он даже засвистал, ухарски тряхнув головой. Но у двери в каморку гармониста его ждало маленькое разочарование в образе Сеньки Чижика.

Приотворив дверь, он сунул свой острый нос в образовавшуюся щель и, по своему обыкновению, наблюдал, увлечённый до такой степени, что обернулся только тогда, когда Орлов дёрнул его за ухо.

- Вот так скрючило его, дяденька Григорий, - шопотом заговорил он, подняв на Орлова свою чумазую мордочку, ещё более обострённую переживаемым впечатлением. - И вроде как бы разошёлся он, - как худая бочка, - ей-богу!

Орлов, охваченный зловонным воздухом, стоял и молча слушал Чижика, стараясь заглянуть одним глазом в щель непритворённой двери.

- Воды ему дать напиться, дяденька Григорий? - предложил Чижик.

Орлов взглянул на лицо мальчика, возбуждённое почти до нервной дрожи, и сам почувствовал взрыв возбуждения.

- Тащи воды! - скомандовал он Чижик и, смело распахнув дверь, остановился на пороге, несколько подавшись назад.

Сквозь туман в глазах Григорий видел Кислякова: гармонист в своём парадном костюме лежал грудью на столе, крепко вцепившись в него руками, и его ноги в лакированных сапогах вяло двигались по мокрому полу.

- Кто это? - спросил он сипло и апатично, точно голос его слинял.

Григорий оправился и, осторожно шагая по полу, пошёл к нему, стараясь говорить

Супруги Орловы. Максим Горький gorkiymaxim.ru
бодро и даже шутливо.

- Я, брат, Митрий Павлов... А ты что это - переложил, что ли, вчера? Он внимательно, с боязнью и любопытством рассматривал Кислякова и не узнавал его.

Лицо у гармониста всё обострилось, скулы торчали двумя резкими углами, глаза глубоко ввалились и, окружённые зеленоватыми пятнами, были странно неподвижны, мутны. Кожа на щеках такого цвета, какую она бывает у покойников в жаркое, летнее время; мёртвое, страшное лицо, и только медленное движение челюстей доказывало, что оно ещё живо. Неподвижные глаза Кислякова долго смотрели в лицо Григория, и этот взгляд наводил на него ужас. Зачем-то ощупывая свои бока руками, Орлов стоял шагах в трёх от больного и чувствовал, что его точно кто-то схватил за горло сырой и холодной рукой, схватил и медленно душит. Ему захотелось скорее уйти из этой комнатки, прежде такой светлой и уютной, а теперь пропитанной душающим запахом гнили и странным холодом.

- Ну... - начал было он, приготавливаясь отступить. Но серое лицо гармониста странно задвигалось, губы, покрытые чёрным налетом, раскрылись, и он сказал своим беззвучным голосом:

- Это... я... умираю...

Неизъяснимое равнодушие трёх его слов отдалось в голове и груди Орлова, как три тупых удара. С бессмысленной гримасой на лице он повернулся к двери, но навстречу ему влетел Чижик, с ведром в руке, запыхавшийся и весь в поту.

- Вота - из колодца от Спиридонова, - не давали, черти...

Он поставил ведро на пол, бросился куда-то в угол, снова явился и, подавая стакан Орлову, продолжал тараторить:

- У вас, говорят, холера... Я говорю, ну, так что? И у вас будет, теперь уж она пойдёт чесать, как в слободке... Дык-он меня как ахнет по башке!..

Орлов взял стакан, зачерпнул из ведра воды и одним глотком выпил её. В ушах его звучали мёртвые слова:

"Это... я... умираю..."

А Чижик вьюном вертелся около него, чувствуя себя как нельзя более в своей сфере.

- Дайте пить, - сказал гармонист, двигаясь по полу вместе со столом.

Чижик подскочил к нему и поднёс к чёрным губам его стакан воды. Григорий, прислонясь к стене у двери, точно сквозь сон слушал, как больной громко втягивал в себя воду; потом услышал предложение Чижика раздеть Кислякова и уложить его в постель, потом раздался голос стряпки маляров. Её широкое лицо, с выражением страха и соболезнования, смотрело со двора в окно, и она говорила плаксивым тоном:

- Дать бы ему сажи голландской с ромом: на стакан чайный - сажи две ложки хлёбальных, да рому до краёв.

А кто-то невидимый предложил деревянного масла с огуречным рассолом и царской водкой.

Орлов вдруг почувствовал, что тяжёлая, гнетущая тьма внутри его освещается каким-то воспоминанием. Он крепко потёр себе лоб, как бы желая усилить яркость этого света, и вдруг быстро вышел вон, перебежал двор и исчез на улице.

- Батюшки! Саложника схватило! В больницу побежал, - крикливо плачущим голосом объяснила стряпка его бегство.

Матрёна, стоявшая рядом с ней, посмотрела широко открытыми глазами и, побледнев, вся затряслась.

- Врёшь ты, - хрипло сказала она, едва двигая белыми губами, Григорий этой

Супруги Орловы. Максим Горький gorkiymaxim.ru
поганой болезнью не захворает, - не поддастся!

Но стряпка, горестно воя, уже исчезла куда-то, и через пять минут на улице около дома купца Петунникова глухо гудела кучка соседей и прохожих. На всех лицах чередовались одни и те же чувства: возбуждение, сменявшееся безнадежным унынием, и что-то злое, уступавшее иногда место деланной удали. Со двора к толпе и обратно то и дело летал Чижик, сверкая босыми ногами и сообщая ход событий в комнате гармониста.

Публика, тесно сбившись в кучу, наполняла пыльный и пахучий воздух улицы глухим гулом своего говора, а иногда сквозь него вырывалось крепкое ругательство, злое и бессмысленное.

- Смотрите - Орлов-то!

Орлов подъехал к воротам на козлах холщевой фуры, которой правил угрюмый человек, весь одетый в белое. Он рывкнул глухим басом:

- Пошёл с дороги!

И поехал прямо на людей.

Вид этой фуры и окрик её возницы как бы придавил повышенное настроение зрителей - все сразу потемнели, многие быстро ушли.

Вслед за фурой явился студент, знакомый Орловых. фуражка у него съехала на затылок, по лбу струился пот, на нём была надета какая-то длинная мантия ослепительной белизны, и спереди на её подоле красовалась большая, круглая дыра с рыжими краями, очевидно, только что прожжённая чем-то.

- Ну, где больной? - громко спрашивал он, искоса посматривая на публику, собравшуюся в уголке у ворот, - люди встретили его недоброжелательно.

Кто-то громко сказал:

- Ишь ты, какой повар!

Другой голос тише и зловеще пообещал:

- погоди, он те угостит!

Нашёлся, как всегда в толпе, шутник.

- Он те даст такой суп, что у тебя лопнет пуп!

Раздался смех, невесёлый, затемнённый боязливым подозрением.

- ведь вот сами-то они не боятся заразы, - это как понимать? многозначительно спросил человек с напряжённым лицом и взглядом, полным сосредоточенной злобы.

Лица людей потемнели, говор стал глуше...

- Несут!

- Орлов-то! Ах, собака!

- Не боится?

- Ему что? Пьяница...

- Осторожней, осторожней, Орлов! Поднимайте выше ноги... так! Готово! Поезжай, Пётр! - командовал студент. - Я скоро приеду. Ну-с, господин Орлов, я прошу вас помочь мне уничтожить здесь заразу... Кстати, на случай, вы выучитесь, как это делать... Согласны?

- Могу, - сказал Орлов, оглядываясь вокруг и чувствуя прилив гордости.

- И я тоже могу, - заявил Чижик.

Он проводил печальную фуру за ворота и вернулся как раз во-время для того, чтобы предложить свои услуги. Студент через очки посмотрел на него.

- Ты кто такой есть, а?

- Из маляров, - в учениках... - объяснил Чижик.

- А холеры боишься?

- Я? - удивился Сенька. - Вот! Я - ничего не боюсь!

- Н-ну? Ловко! Так вот что, братцы. - Студент присел на бочку, лежавшую на земле, и, покачиваясь на ней, стал говорить о необходимости для Орлова и Чижика хорошенько вымыться.

К ним подошла Матрёна, боязливо улыбаясь. За ней кухарка, вытиравшая мокрые глаза сальным передником. Через некоторое время осторожно, как кошки к воробьям, к этой группе подошло ещё несколько человек. Около студента собрался тесный кружок человек в десять, и это воодушевило его. Стоя в центре людей, быстро жестикулируя, он, то вызывая улыбки на лицах, то сосредоточенное внимание, то острое недоверие и скептические смешки, начал нечто вроде лекции.

- Главное дело во всех болезнях - чистота тела и воздуха, которым вы дышите, - уверял он своих слушателей.

- О, господи! - громко вдыхала стряпка маляров. - От нечаянной смерти Варваре великомученице надо молиться...

- И в теле и в воздухе живут, однако тоже помирают, - заявил один из слушателей.

Орлов стоял рядом со своей женой и смотрел в лицо студента, о чём-то думая. Его дёрнули за рубаху.

- Дяденька Григорий! - шепнул Сенька Чижик, сверкая горящими, как угольки, глазами, - теперь вот помрёт Митрий-то Павлов, родных у него нету... кому же гармоника достанется?

- Отстань, чертёнок! - отмахнулся Орлов.

Сенька отошёл в сторону и уставился в окно комнатки гармониста, ища в ней чего-то жадным взглядом.

- Извёстка, дёготь, - громко перечислял студент.

Вечером этого беспокойного дня, когда Орловы сели пить чай, Матрёна с любопытством спросила у мужа:

- Ты давеча куда ходил со студентом-то?

Григорий посмотрел ей в лицо затуманенными, чужими глазами, не отвечая.

Около полудня, кончив мыть комнату гармониста, Григорий ушёл куда-то с санитаром, воротился часа в три задумчивый, молчаливый, лёг на постель и вплоть до чая лежал кверху лицом, не вымолвив за всё время ни слова, хотя жена много раз пыталась вызвать его на разговор. Он даже не обругал её, это было странно, непривычно ей и возбуждало её.

Инстинктом женщины, вся жизнь которой сосредоточилась на муже, она подозревала, что его охватило чем-то новым, ей было боязно и тем более страстно хотелось знать, - что с ним?

- Тебе, может, нездоровится, Гриша?

Григорий слил с блюдца в рот последний глоток чая, вытер рукой усы, не спеша подвинул жене пустой стакан и, нахмурив брови, заговорил:

- Ходил я со студентом в барак...

- В холерный? - воскликнула Матрёна и тревожно, понизив голос, спросила: - Много там их?

- Пятьдесят три с нашим-то... Некоторые поправляются... Ходят... Жёлтые, худые...

- Холерные? Чай - нет?.. Других, каких-нибудь, сунули туда для оправдания: вот-де, смотрите, вылечиваем!

- Ты дура! - решительно сказал Григорий и зло блеснул глазами. - Все вы тут дубьё! Необразованность и глупость - больше ничего! Подохнешь с вами от тоски при вашем невежестве.. Ничего вы не можете понимать, - он резко подвинул к себе вновь налитый стакан чаю и замолчал.

- Где это ты образовался так? - ехидно спросила Матрёна и вздохнула.

Он промолчал, задумчивый, неприступно суровый. Потухавший самовар тянул пискливую мелодию, полную раздражающей скуки, в окна со двора веяло запахом масляной краски, карболки и обеспокоенной помойной ямы. Полусумрак, писк самовара и запахи - всё плотно сливалось одно с другим, чёрное жерло печи смотрело на супругов так, точно чувствовало себя призванным проглотить их при удобном случае. Супруги грызли сахар, стучали посудой, глотали чай. Матрёна вздыхала, Григорий стучал пальцем по столу.

- Чистота невиданная! - вдруг с раздражением заговорил он. - Все служащие до последнего - в белом. Хворые то и дело в ванны лезут... Вином их поят, - два с полтиной бутылка! Кушанья... с одного запаха сыт будешь... Обращение со всеми - материнское... Н-да... Извольте понять: живёшь на земле, ни один чорт даже и плюнуть на тебя не хочет, не то что зайти иногда и спросить - что, как, и вообще - какая жизнь? по душе она или по душе человеку? А начнёшь умирать - не только не позволяют, но даже в изъясн вводят себя. Бараки... вино... два с полтиной бутылка! Неужто нет у людей догадки? Ведь бараки и вино большущих денег стоят. Разве эти самые деньги нельзя на улучшение жизни употреблять, - каждый год по несколько?

Жена не старалась понять его речей, ей достаточно было чувствовать, что они новы, и она безошибочно выводила отсюда: у Григория в душе творится что-то нехорошее для неё. Она скорее хотела узнать, - как это коснется её? В этом желании была и боязнь, и надежда, и что-то враждебное мужу.

- Там, чай, уж побольше твоего знают, - сказала она, когда он кончил, и поджала губы.

Григорий повёл плечом, искоса взглянул на неё и, помолчав, начал в тоне ещё более повышенном:

-Знают, не знают - это их дело. Но ежели мне, не видав никакой жизни, помирать приходится, об этом я могу рассуждать. Я тебе вот что скажу: такого порядка я больше не хочу, сидеть, дожидаться, когда придёт холера да меня скрючит, - не согласен. Не могу! Пётр Иванович говорит: вали навстречу! Судьба против тебя, а ты против неё, - чья возьмёт? Война! Больше никаких... Значит, - что теперь? А поступаю я служителем в барак - и всё тут! Поняла? Прямо в пасть влезу - глотай, а я буду ногами дрыгать!.. Двадцать рублей в месяц жалованья, да ещё награду могут дать... Можно умереть?.. Это так, но здесь ещё скорее сдохнешь.

Орлов стукнул кулаком по столу так, что вся посуда подпрыгнула.

Матрёна в начале речи смотрела на мужа с выражением беспокойства и любопытства, а в конце её уже враждебно прищурила глаза.

- Это студент тебе насоветовал? - сдержанно спросила она.

- У меня свой ум есть, - могу рассудить, - уклонился Григорий от прямого ответа.

- Ну, а как же со мной разделаться посоветовал он тебе? - продолжала Матрёна.

- С тобой? - Григорий несколько смутился - он не успел подумать о жене. Конечно,

Супруги Орловы. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
можно бабу оставить на квартире, вообще это делается, но Матрёну – опасно. За ней нужен глаз да глаз. Остановившись на этой мысли, Орлов хмуро продолжал: – Что же? Будешь тут жить... а я буду жалованье получать... н-да...

– Так, – спокойно сказала женщина и усмехнулась той многозначней, женской улыбкой, которая сразу может вызвать у мужчины колющее сердце чувство ревности.

Орлов, нервный и чуткий, ощутил это, но из самолюбия, не желая выдавать себя, бросил жене:

– Квак да хрюк – все твои речи!.. – И насторожился, ожидая, – что ещё скажет она?

Она снова улыбнулась этой раздражающей улыбкой и промолчала.

– Ну, так как же? – спросил Григорий повышенным тоном.

– Что? – произнесла Матрёна, равнодушно вытирая чашки.

– Ехидна! Не финти – пришибу! – вскипел Орлов. – Я, может, на смерть иду!

– Не я тебя посылаю, не ходи...

– Ты бы рада послать, я знаю! – иронически воскликнул Орлов.

Она молчала. Это бесило его, но Орлов сдержал привычное выражение чувства, сдержал под влиянием преехидной, как ему казалось, мысли, мелькнувшей у него в голове. Он улыбнулся злорадной улыбкой, говоря:

– Я знаю, тебе хочется, чтобы я провалился хоть в тартарары. Ну, ещё посмотрим, чья возьмёт... да! Я тоже могу сделать такой ход – ах ты мне!

Он вскочил из-за стола, схватил с окна картуз и ушёл, оставив жену не удовлетворённой её политикой, смущённой угрозами, с возрастающим чувством страха пред будущим. Она шептала:

– О, господи! Царица небесная! Пресвятая богородица!

Она долго сидела за столом, пытаясь предположить, что сделает Григорий? Пред ней стояла вымытая посуда; на капитальную стену соседнего дома, против окон комнаты, заходящее солнце бросило красноватое пятно; отражённое белой стеной, оно проникло в комнату, и край стеклянной сахарницы, стоявшей пред Матрёной, блеснул. Наморщив лоб, она смотрела на этот слабый отблеск, пока не утомились глаза. Тогда она, убрав посуду, легла на кровать.

Григорий пришёл, когда уже было совсем темно. Ещё по его шагам на лестнице она догадалась, что муж в духе. Он выругал тьму в комнате, подошёл к постели, сел на неё.

– Знаешь что? – усмехаясь, спросил Орлов.

– Ну?

– И ты пойдёшь на место!

– Куда? – дрогнувшим голосом спросила она.

– В один барак со мной! – торжественно объявил Орлов.

Она обняла его за шею и, крепко сжив руками, поцеловала в губы. Он не того ждал и оттолкнул её.

"Притворяется... – думал он, – ей, шельме, совсем не хочется вместе с ним. Притворяется, ехидна, за дурака считает мужа..."

– Чему рада? – грубо и подозрительно спросил он, чувствуя желание сбросить её на пол.

Супруги Орловы. Максим Горький gorkiymaxim.ru

- Так уж! - бойко ответила она.

- Финти! Знаю я тебя!

- Еруслан ты мой храбрый!

- Брось... а то смотри!

- Гришаня ты мой!

- Да ты что в самом деле?

Когда её ласки укротили его несколько, он озабоченно спросил её:

- А ты не боишься?

- Чай, вместе будем, - просто ответила она.

Ему приятно было слышать это. Он сказал ей:

- Молодчина!

И так ущипнул её, что она взвизгнула.

Первый день дежурства Орловых совпал с очень сильным наплывом больных, и двум новичкам, привыкшим к своей медленно двигавшейся жизни, было жутко и тесно среди кипучей деятельности, охватившей их. Неловкие, не понимавшие приказаний, подавленные жуткими впечатлениями, они растерялись, и хотя пытались работать, но только мешали другим. Григорий несколько раз чувствовал, что заслуживает строгого окрика или выговора за своё неуменье, но, к великому его изумлению, на него не кричали.

Когда один из докторов, высокий черноусый человек с горбатым носом и большущей бородавкой над правой бровью, велел Григорию помочь одному из больных сесть в ванну, Григорий с таким усердием цапнул больного подмышки, что тот даже крикнул и сморщился.

- А ты, голубчик, не ломай его, он и целиком в ванну уберётся... серьёзно сказал доктор.

Орлов сконфузился; больной же, сухой и длинный верзила, усмехнулся через силу и хрипло сказал:

- С нови... Непривычен.

Другой доктор, старик с острой седой бородой и блестящими большими глазами, сказал Орловым, когда они пришли в барак, наставление, как обращаться с больными, что делать в том и другом случае, как брать больных, переносить их; в заключение спросил их, были ли они вчера в бане, и выдал им белые передники. Голос у этого доктора был мягкий, говорил он быстро; он очень понравился супругам. Вокруг них мелькали люди в белом, раздавались приказания, подхватываемые прислугой на лету, хрипели, охали и стонали больные, текла и плескалась вода, и все эти звуки плавали в воздухе, до того густо насыщенном острыми, неприятно щекочущими ноздри запахами, что казалось - каждое слово доктора, каждый вздох больного тоже пахнут, раздирая нос...

Сначала Орлов находил, что тут царит бесшабашный хаос, в котором ему ни за что не найти себе места, и что он задохнётся, заболеет... Но прошло несколько часов, и, охваченный веянием повсюду рассеянной энергии, он насторожился, проникся желанием приспособиться к делу, чувствуя, что ему будет покойнее и легче, если он завертится вместе со всеми.

- Сулемы! - кричал доктор.

- Горячей воды! - командовал худенький студентик с красными опухшими веками.

- Вы - как вас? Орлов... трите-ка ему ноги!.. Вот так... понимаете?.. Та-ак, та-ак... Легче, - сдерёте кожу! - показывал Григорию другой студент,

Супруги Орловы. Максим Горький gorkiymaxim.ru
длинноволосый и рябой.

- Ещё больного привезли! - раздавалось сообщение.
- Орлов, тащите его.

Григорий усердствовал - потный, ошеломлённый, с мутными глазами и с тяжёлым туманом в голове. Порой чувство личного бытия в нём совершенно исчезало под давлением впечатлений, переживаемых им. Зелёные пятна под мутными глазами на землистых лицах, кости, точно обточенные болезнью, липкая, пахучая кожа, страшные судороги едва живых тел - всё это сжимало сердце тоской и вызывало тошноту.

Несколько раз в коридоре барака он мельком видел жену; она похудела, и лицо у неё было серое и растерянное. Он охрипшим голосом спросил её:

- Ну, что?

Она слабо улыбнулась в ответ ему и молча исчезла. Григория кольнула совершенно непривычная ему мысль: а пожалуй, он напрасно втиснул сюда, в такую пакостную работу, свою бабу! Захворает она... И, встретив её ещё раз, он строго крикнул:

- Смотри, чаще руки-то мой, - берегись!
- А то что будет? - задорно спросила она, оскалив свои мелкие белые зубы.

Это разозлило его. Вот нашла место смешкам, дура! И до чего они подлы, эти бабы! Но сказать ей он ничего не успел: поймав его сердитый взгляд, Матрёна быстро ушла в женское отделение.

А он через минуту уже нёс знакомого полицейского в мертвецкую. Полицейский тихо покачивался на носилках, уставившись в ясное и жаркое небо стеклянными глазами из-под искривлённых век. Григорий смотрел на него с тупым ужасом в сердце: третьего дня он этого полицейского видел на посту и даже ругнул его, проходя мимо, - у них были маленькие счёты между собой. А теперь вот этот человек, такой здоровяк и злючка, лежит мёртвый, обезображенный, скорченный судорогами.

Орлов чувствовал, что это нехорошо, - зачем и на свет родиться, если можно в один день от такой поганой болезни умереть? Он смотрел сверху вниз на полицейского и жалел его.

Но вдруг согнутая левая рука трупа медленно пошевелилась и выпрямилась, а левая сторона искривлённого рта, раньше полуоткрытая, закрылась.

- Стой! Пронин... - захрипел Орлов, ставя носилки на землю. - Жив! шопотом заявил он служителю, который нёс с ним труп.

Тот обернулся, пристально взглянул на покойника и с сердцем сказал Орлову:

- Чего врешь? Али не понимаешь, что это он для гроба расправляется? Айда, неси!
- Да ведь шевелится, - трепеща от ужаса, протестовал Орлов.
- Неси, знай, чудака-человек! Что ты слов не понимаешь? Говорю: выправляется, - ну, значит, шевелится. Эта необразованность твоя, смотри, до греха тебя может довести... Жив! Разве можно про мёртвый труп говорить такие речи? Это, брат, бунт... Понимаешь? Молчи, никому ни слова насчёт того, что они шевелятся, - они все так. А то свинья - борову, а боров всему городу, ну и бунт - живых хоронят! Придёт сюда народ и разнесёт нас вдребезги. И тебе будет на калачи. Понял? Сваливай налево.

Спокойный голос служителя, его неторопливая походка действовали на Григория отрезвляюще.

- Ты, брат, только духом не падай - привыкнешь. Здесь хорошо. Харч, обращение и всякое другое - всё в аккурате. Все, брат, мертвецами будем; это самое обыкновенное дело. А пока что, - живи, знай, не робей только главная причина! Водку пьешь?

- Пью, - сказал Орлов.

- Ну вот. Вон тут в ямке у меня бутылочка есть на всякий случай, айда-ка, проглотим несколько.

Они подошли к ямке за углом барака, выпили, и Пронин, налив на сахар мятных капель, подал его Орлову, со словами:

- Ешь, а то пахнуть водкой будешь. Здесь насчёт водки - строго. Потому вредно пить её!

- А ты привык тут? - спросил у него Григорий.

- Я - спервоначалу. При мне тут народу перемёрло - сотни, прямо сказать. Жизнь здесь беспокойное, а - хорошее житье, ежели говорить правду. Божье дело. Вроде как на войне... ты про санитаров и сестёр милосердия слышал? Я в турецкую кампанию посмотрелся на них. Под Ардаганом, под Карсом был. Ну, а это, брат, чище нас, солдат, люди. Мы воюем, ружьё у нас есть, пули, штык; а они - безо всего под пулями, как в зелёном саду, гуляют. Наш, турка - берут и тащат на перевязочный. А вокруг них - ж-жи! ти-ю! фить! Иногда ему, санитару-то, в затылок - чик! - и готово!..

После этого разговора и здорового глотка водки Орлов несколько приободрился.

"Взялся за гуж, так не бай, что не джуж", - усовещивал он себя, растирая ноги больного. За его спиной кто-то жалобно стонущим голосом просил:

- Пи-ить! Ой, голу-убчики-и!

А кто-то гоготал:

- Ого-го-го! Погорячей!.. Го-го-сподин доктор, помогает! Вот вам Христос, - чувствую! Разрешите ещё подлить кипяточку!

- Дайте вина! - кричал доктор Ващенко.

Орлов работал и видел, что, в сущности, всё это совсем уж не так погано и страшно, как казалось ему недавно, и что тут - не хаос, а правильно действует большая, разумная сила. Но, вспоминая о полицейском, он всё-таки вздрагивал и искоса посматривал в окно барака на двор. Он верил, что полицейский мёртв, но было что-то неустойчивое в этой вере. А вдруг выскочит и крикнет? И ему вспомнилось, как кто-то рассказывал: однажды холерные мертвецы выскочили из гробов и разбежались.

Он вспоминал о жене: каково ей? Иногда к этому примешивалось мимолётное желание улучшить минутку и посмотреть на Матрёну. Но вслед за этим Орлов как бы конфузился своего желания и восклицал про себя:

"Повертись-ка вот этак-то, толстомяся! Небойсь, подсохнешь... Лишишься своих намерений..."

Он всегда подозревал, что у жены его имеются в душе намерения, оскорбительные для него как мужа, а иногда, восходя в своих подозрениях до некоторого объективизма, даже признавал, что эти намерения имеют основание. Жизнь у неё жёлтенькая, от такой жизни всякая дрянь в голову ползет. Этот объективизм обыкновенно перерождал, на время, его подозрения в уверенность. Потом он спрашивал себя: а зачем ему надо было лезть из своего подвала в этот котел кипящий? И недоумевал. Но все эти думы вращались где-то глубоко в нём, они были как бы отгорожены от прямого влияния на его работу тем напряжённым вниманием, с которым он относился к действиям врачебного персонала. Он никогда не видал, чтоб в каком-нибудь труде люди убивались так, как они убиваются тут, и не раз подумал, глядя на утомлённые лица докторов и студентов, что все эти люди - воистину, не даром деньги получают!

Сменяясь с дежурства, усталый, Орлов вышел на двор барака и прилёг у стены его под окном аптеки. В голове у него шумело, под ложечкой сосало, ноги болели ноющей болью. Ни о чём не думалось и ничего не хотелось, он вытянулся на дёрне,

Супруги Орловы. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
посмотрел в небо, где стояли пышные облака, богато украшенные красками заката, и уснул, как убитый.

Приснилось ему, что будто бы он с женой в гостях у доктора в громадной комнате, уставленной по стенам венскими стульями. На стульях сидят все больные из барака. Доктор с Матрёной ходят "русскую" среди зала, а он сам играет на гармонике и хохочет, потому что длинные ноги доктора совсем не гнутся, и доктор, важный, надутый, ходит по залу за Матрёной – точно цапля по болоту. И все больные тоже хохочут, раскачиваясь на стульях.

Вдруг в дверях является полицейский.

– Ага! – мрачно и грозно кричит он. – Ты, Гришка, думал, что я умер? На гармонике играешь, а меня в мертвецкую стащил! Ну-ка, пойдём со мной! Вставай!

Охваченный дрожью, облитый потом, Орлов быстро поднялся и сел на земле. Против него сидел на корточках доктор Ващенко и укоризненно говорил ему:

– Какой же ты, друже, санитар, если спишь на земле, да ещё и брюхом на неё лёг, а? А ну ты простудишь себе брюхо, – ведь сляжешь на койку, да ещё, чего доброго, и помрёшь... Это, друже, не годится, – для спанья у тебя есть место в бараке. Тебе не сказали про это? Да ты и потный, и знобит тебя. Ну-ка, иди, я тебе кое-чего дам.

– Я с устатка, – пробормотал Орлов.

– Тем хуже. Надо беречь себя, – время опасное, а ты человек нужный.

Орлов молча прошел за доктором по коридору барака, молча выпил какое-то лекарство из одной рюмки, выпил ещё из другой, сморщился и плюнул.

– Ну, а теперь иди спи! – И доктор начал переставлять по полу коридора свои длинные, тонкие ноги.

Орлов посмотрел ему вслед и вдруг, широко улыбнувшись, побежал за ним.

– Покорно благодарю, доктор!

– За что? – остановился тот.

– За заботу. Теперь я буду стараться для вас во всю силу! Потому приятно мне ваше беспокойство... и... что я нужный человек... и вообще пок-корнейше благодарен!

Доктор пристально и с удивлением смотрел на взволнованное какой-то радостью лицо барачного служителя и тоже улыбнулся.

– Чудачина ты! А впрочем, ничего, – это всё славно у тебя выходит, искренно! Валяй, старайся во-всю; это не для меня будет, а для больных. Надо нам человека от болезни отбить, вырвать его из её лап – понимаешь? Ну, вот и давай стараться во всю силу победить болезнь. А пока – спи иди!

Вскоре Орлов лежал на койке и засыпал с приятным ощущением ласкающей теплоты в животе. Ему было радостно, и он был горд своим таким простым разговором с доктором.

Заснул он, сожалея, что жена не слышала этого разговора. Рассказать ей завтра... Не поверит, чортова перечница.

– Чай пить иди, Гриша, – разбудила его поутру жена.

Он приподнял голову и посмотрел на неё. Она улыбалась ему. Гладко причёсанная, в своём белом балахоне, она была такая чистенькая, свежая.

Ему было приятно видеть её такой, и в то же время он подумал, что ведь и другие мужчины в бараке её видят такой же.

– Это какой же чай пить? У меня свой чай есть, – куда мне идти? хмуро сказал он.

- А ты иди со мной попей, - предложила она, глядя на него ласкающими глазами.

Григорий отвёл свои глаза в сторону и сказал, что придёт.

Она ушла, а он снова лёг на койку и задумался.

"Ишь ты какая! Чай пить зовёт, ласковая... Похудела, однакоже, за день-то". Ему стало жалко её и захотелось сделать для жены приятное. Купить к чаю чего-нибудь сладкого, что ли? Но, умываясь, он уже отбросил эту мысль, - зачем бабу баловать? Живёт и так!

Чай пили в маленькой светлой каморке с двумя окнами, выходившими в поле, залитое золотистым сиянием утреннего солнца. На дёрне, под окнами, ещё блестела роса, вдали, на горизонте, в туманно-розовой дымке утра, стояли деревья почтового тракта. Небо было чисто, с поля веяло в окна запахом сырой травы и земли.

Стол стоял в простенке между окон, за ним сидело трое: Григорий и Матрёна с товаркой - пожилой, высокой и худой женщиной с рябым лицом и добрыми серыми глазами. Звали её Фелицата Егоровна, она была девицей, дочерью коллежского ассессора, и не могла пить чай на воде из больничного куба, а всегда кипятила самовар свой собственный. Объяснив всё это Орлову надорванным голосом, она гостеприимно предложила ему сесть под окном и дышать вволю "настоящим небесным воздухом", а затем куда-то исчезла.

- Что, устала вчера? - спросил Орлов у жены.

- Просто страсть как! - живо ответила Матрёна. - Ног под собой не слышу, головонька кружится, слов не понимаю, того и гляди, пластом лягу. Еле-еле до смены дотянула... Всё молилась, - помоги, господи, думаю.

- А боишься?

- Покойников - боюсь. Ты знаешь, - она наклонилась к мужу и со страхом шепнула ему: - они после смерти шевелятся - ей-богу!

- Это я ви-идал! - скептически усмехнулся Григорий. - Мне вчера Назаров полицейский и после смерти своей чуть-чуть плюху не вlepил. Несу я его в мертвецкую, а он ка-ак размахнётся левой рукой... я едва увернулся .. вот как! - Он приврал немного, но это вышло само собой, помимо его желания.

Очень уж ему нравилось чаепитие в светлой, чистой комнате с окнами в безграничный простор зелёного поля и голубого неба. И ещё что-то ему нравилось - не то жена, не то он сам. В конце концов - ему хотелось показать себя с самой лучшей стороны, быть героем наступающего дня.

- Примусь я тут работать - даже небу жарко станет, вот как! Потому есть причина у меня на это. Во-первых, люди здесь, я тебе скажу, - не существующие на земле!

Он рассказал свой разговор с доктором, и, так как он снова, незаметно для себя, несколько приврал, - это обстоятельство ещё более усилило его настроение.

- Во-вторых, - работа сама! Это, брат, великое дело, вроде войны, например. Холера и люди-кто кого? Тут ум требуется и чтобы всё было в аккурате. Что такое холера? Это надо понять, и валяй её тем, что она не терпит! Мне доктор Ващенко говорит: "Ты, говорит, Орлов, человек в этом деле нужный! Не робей, говорит, и гони её из ног в брюхо больного, а там, говорит, я её кисленьким и прищемлю. Тут ей и конец, а человек-то ожил и весь век нас с тобой благодарить должен, потому кто его у смерти отнял? Мы!" Орлов гордо выпятил грудь, глядя на жену возбуждёнными глазами.

Она задумчиво улыбалась ему в лицо, он был красив и очень походил теперь на того Гришу, каким она видела его когда-то давно, ещё до свадьбы.

- У нас в отделении тоже все такие работающие и добрые. Докторша то-олстая, в очках. Хорошие люди, говорят с тобой таково просто, и всё у них понимаешь.

- Так ты, значит, ничего, довольна? - спросил Григорий, несколько остыв от

возбуждения.

- Я-то? Господи, ты посуди: я получаю двенадцать рублей, да ты двадцать - тридцать два рубля в месяц! На готовом на всём! Это, ежели до зимы хворать будут люди, сколько мы накопим?.. А там, бог даст, и поднимемся из подвала-то...

- Н-да, это тоже важная статья... - задумчиво сказал Орлов и, помолчав, воскликнул с пафосом надежды, ударив жену по плечу: - Эх, Матрёнка, али нам солнце не улыбнётся? Не робей, знай!

Она вся загорелась.

- Только бы ты стерпел...

- А про это - молчок! По коже - шило, по жизни - рыло... Иная жизнь, иное и поведенье моё будет.

- Господи, кабы это случилось! - глубоко вздохнула женщина.

- Ну, и цыц!

- Гришенька!

Они расстались с какими-то новыми чувствами друг к другу, воодушевлённые надеждами, готовые работать до изнеможения, бодрые, весёлые.

Прошло дня три-четыре, и Орлов заслужил несколько лестных отзывов о себе, как о сметливом и расторопном малом, и, вместе с этим, заметил, что Пронин и другие служители в бараке стали относиться к нему с завистью, с желанием насолить. Он насторожился, в нём тоже возникла злоба против толсторожего Пронина, с которым он не прочь был вести дружбу и беседовать "по душе". В то же время ему делалось как-то горько при виде явного желания товарищей по работе нанести ему какой-либо вред.

"Эх, злыдари!" - восклицал он про себя и тихонько поскрипывал зубами, стараясь не упустить удобного случая заплатить врагам "за лычко ремешком". Невольно мысль его останавливалась на жене - с той можно говорить про всё, она его успехам завидовать не будет и, как Пронин, карболкой сапог ему не сожжёт.

Все дни работы были такие же бурные и кипучие, как первый, но Григорий уже не так уставал, ибо тратил свою энергию с каждым днём более сознательно. Он научился распознавать запахи лекарств и, выделив из них запах эфира, потихоньку, когда удавалось, с наслаждением нюхал его, заметив, что вдыхание эфира действует почти так же приятно, как добрая рюмка водки. С полуслова понимая приказание медицинского персонала, всегда добрый и разговорчивый, умевший развлекать больных, он всё более и более нравился докторам и студентам, и вот, под влиянием совокупности всех впечатлений новой формы бытия, у него образовалось странное, повышенное настроение. Он чувствовал себя человеком особых свойств. И в нём забилось желание сделать что-то такое, что обратило бы на него внимание всех, всех поразило бы. Это было своеобразное честолюбие существа, которое вдруг создало себя человеком и, ещё не уверенное в этом новом для него факте, хотело подтвердить его чем-либо для себя и других; это было честолюбие, постепенно перерождавшееся в жажду бескорыстного подвига.

Из такого побуждения Орлов совершал разные рискованные вещи, вроде того, что единолично, не ожидая помощи товарищей и надрываясь, тащил коренастого больного с койки в ванну, ухаживал за самыми грязными больными, относился с каким-то ухарством к возможности заражения, а к мёртвым - с простотой, порою переходившей в цинизм. Но всё это не удовлетворяло его: ему хотелось чего-то более крупного, это желание всё разгоралось в нём, мучило его и, наконец, доводило до тоски. Тогда он изливал душу жене, потому что больше было некому.

Однажды вечером, сменившись с дежурства, попив чаю, супруги вышли в поле. Барак стоял далеко за городом, среди длинной, зелёной равнины, с одной стороны ограниченной тёмной полосой леса, с другой - линией городских зданий; на севере поле уходило вдаль и там, зелёное, сливалось с мутно-голубым горизонтом; на юге его обрезывал крутой обрыв к реке, а по обрыву шёл тракт и стояли на равном расстоянии друг от друга старые, ветвистые деревья. Заходило солнце, кресты

Супруги Орловы. Максим Горький gorki.ucoz.ru
городских церквей, возвышаясь над тёмной зеленью садов, пылали в небе, отражая снопы золотых лучей, на стёклах окон крайних домов города тоже отражалось красное пламя заката. Где-то играла музыка; из оврага, густо поросшего ельником, веяло смолистым запахом; лес расстилал в воздухе свой сложный, сочный аромат; лёгкие душистые волны тёплого ветра ласково плыли к городу; в поле, пустынном и широком, было так славно, тихо и сладко-печально.

Орловы шли по траве молча, с удовольствием вдыхая чистый воздух вместо барачных запахов.

- Где это музыка играет, в городе или в лагерях? - тихонько спросила Матрёна у задумавшегося мужа.

Она не любила видеть его думающим - он казался чужим ей и далёким от неё в эти минуты. Последнее время им и так мало приходится бывать вместе, и тем более она дорожила этими моментами.

- Музыка? - переспросил Григорий, точно освобождаясь от дрёмы. - А чорт с ней, с этой музыкой! Ты бы послушала, какая в душе у меня музыка... вот это так!

- А что? - тревожно взглянув ему в глаза, спросила она.

- А я - не знаю что... Горит у меня душа... Хочется ей простора... чтобы мог я развернуться во всю мою силу... Эхма! силу я в себе чувствую необоримую! То есть если б эта, например, холера да преобразилась в человека, - в богатыря... хоть в самого Илью Муромца, - сцепился бы я с ней! Иди на смертный бой! Ты сила, и я, Орлов, сила, - ну, кто кого? Придушил бы я её и сам бы лёг... Крест надо мной в поле и надпись: "Григорий Андреев Орлов... Освободил Россию от холеры". Больше ничего не надо...

Он говорил, и лицо его горело, а глаза сверкали.

- Силач ты мой! - ласково шепнула Матрёна, прижимаясь к нему боком.

- Понимаешь... на сто ножей бросился бы я... но чтобы с пользой! чтоб от этого облегчение вышло жизни. Потому - вижу я людей: доктор Ващенко, студент Хохряков - работают они, даже удивление! Им бы давно надо умереть с устатка... Из-за денег, думаешь? Из-за денег так работать нельзя! У доктора - слава те господи! - есть таки кое-что и ещё немножко... А старик захворал прошлый раз, так Ващенко за него четверо суток отбарабанил, даже домой не съездил за всё время... Деньги тут ни при чём; тут жалость - причина. Жалко им людей - и не жалеют себя... Ради кого, спроси? Ради всякого... Ради Мишки Усова... Мишке место в каторге, потому - всякий знает, что Мишка вор, а может, хуже... Мишку лечат... Рады, когда он с койки встал, смеются... Вот и я хочу эту самую радость испытать... и чтобы было много её задохнуться бы мне в ней! Потому что смотреть ни них, как они смеются от своей радости, - заноза мне. Взною весь и загорюсь. Эх ты... чорт!

Орлов глубоко задумался.

Матрёна молчала, но сердце у неё билось тревожно - её пугало возбуждение мужа, в словах его она ясно чувствовала великую страсть его желания, непонятного ей, потому что она и не пыталась понять его. Ей был дорог и нужен муж, а не герой.

Подшли к краю оврага и сели рядом друг с другом. Снизу на них смотрели кудрявые вершины молоденьких берёзок, на дне оврага лежала синеватая мгла, оттуда несло сыростью, гниющими листьями, хвоей. Порой тихо проносился ветер, ветки берёз колыхались, колыхались и маленькие ели, весь овраг наполнялся трепетным, боязливым шопотом, казалось, кто-то, нежно любимый и оберегаемый деревьями, заснул в овраге под их сенью и они чуть-чуть перешёптываются, боясь разбудить его. В городе вспыхивали огни, выделяясь на тёмном фоне садов, как цветы. Орловы сидели молча, - он задумчиво барабанил пальцами по своему колену, она поглядывала на него, тихонько вздыхая.

И вдруг, охватив его шею руками, положила на грудь ему голову, шопотом говоря:

- Голубчик ты мой, Гриша! Милый ты мой! Какой ты опять хороший ко мне стал, удалой ты мой! Ведь будто тогда... после свадьбы... живём мы с тобой... ни слова обидного ты мне не скажешь, разговоры всё со мной говоришь, душу открываешь...

Супруги Орловы. Максим Горький gorkiymaxim.ru
не зыкаешь на меня.

- А ты соскучилась об этом? Я ин поколочу, если хочешь, - ласково пошутил Григорий, ощущая в душе прилив нежности и жалости к жене.

Он стал рукой тихо гладить ей голову, и ему нравилась эта ласка, такая отеческая - ласка ребёнку. Матрёна в самом деле похожа была на ребёнка: она взобралась к нему на колени и сжалась у него на груди в маленький, мягкий и тёплый комочек.

- Милый мой! - шептала она.

Он глубоко вздохнул, и на язык ему сами собою потекли новые для него и жены его слова.

- Эх ты, кошечка! Видишь, как-никак, а нет друга ближе мужа. А ты всё в сторону норовишь... Ведь ежели я иной раз обижал тебя - от тоски это! Жили в яме... Свету не видели, людей не знали. Выбрался из ямы и прозрел, а до этого слепой был. Понимаю теперь, что жена, как-никак, первый в жизни друг. Потому люди - змеи, ежели правду сказать... Всё язву желают другому нанести... К примеру - Пронин, Васюков... Э, ну их к... Молчок, Мотря! Выправимся, не робей... Выйдем в люди и заживём с понятием... Ну? Чего ты, дурёха ты моя?

Она плакала сладкими слезами счастья и на вопрос его ответила поцелуями.

- Единственная ты моя! - шептал он и тоже целовал её.

Оба они стирали поцелуями слёзы друг друга и оба чувствовали их солоноватый вкус. И долго ещё говорил Орлов новыми для него словами.

Уже совсем стемнело. Небо, пышно расцвеченное бесчисленными роями звёзд, смотрело на землю с торжественной грустью, в поле было тихо, точно в небе.

У них вошло в привычку пить чай вместе. На другое утро, после разговора в поле, Орлов явился в комнату жены чем-то сконфуженный и хмурый. Фелицата захворала, Матрёна была одна в комнате и встретила мужа с сияющим лицом, но тотчас же потемнела и тревожно спросила у него:

- Что ты такой? Нездоровится?

- Нет, ничего, - сухо ответил он, садясь на стул.

- А что же? - добивалась Матрёна.

- Не спалось. Всё думал. Раскудахтались мы с тобой вчера, смякли... мне теперь стыдно себя... Ни к чему всё это. Ваша сестра, в таких разгах, норовит человека в руки взять... н-да... Только ты про это не мечтай - не удастся... Меня ты не обойдёшь, я тебе не поддамся. Так и знай!

Он сказал всё это очень внушительно, но на жену не смотрел. Матрёна всё время не отводила глаз от его лица, и губы её странно искривились.

- Что же, ты каешься в том, что вчера таким мне близким был? - тихо спросила она. - Каешься, что целовал да ласкал меня? Это, что ли? Обидно мне это слышать... очень горько, рвёшь ты мне сердце такими речами. Что тебе надо? Скучно тебе со мной, - не любя я тебе, или что?

Она смотрела на него подозрительно, и в тоне её звучали и горечь и вызов мужу.

- Н-нет, - смущённо сказал Григорий, - я вообще... жили мы с тобой... знаешь сама, что за жизнь! Вспоминать тошно. А вот теперь поднялись... и боязно чего-то. Всё так скоро переменялось... И я сам себе как чужой, и ты другая будто бы. Это что такое? И что за этим будет?

- Что бог даст, Гриша! - серьёзно сказала Матрёна. - Ты только не кайся в том, что хорош вчера был.

- Ладно, брось... - всё так же смущённо остановил её Григорий. - Я, видишь ли, думаю, что всё-таки ничего не выйдет у нас. И прежняя жизнь наша не цветиста, и

Супруги Орловы. Максим Горький gorkiymaxim.ru
теперешняя мне не по душе. И хоть не пью я, не дерусь с тобой, не ругаюсь...

Матрёна судорожно засмеялась.

- Некогда тебе теперь заниматься-то всем этим.

- Напиться я всегда бы нашёл время, - улыбнулся Орлов. - Не тянет, вот диво! А потом мне вообще как-то... не то совестно чего-то, не то боязно... - Он тряхнул головой и задумался.

- Господь тебя знает, что с тобой, - тяжело вздохнув, сказала Матрёна. - Житьё хорошее, хоть работы и много; доктора тебя любят, сам ты в аккурате себя держишь, - уж я не знаю что? Беспокойный ты очень.

- Это верно, беспокойный... Вот я думал ночью: "Пётр Иванович говорит: все люди равны друг другу, а я разве не человек, как все? Но, однако, доктор Ващенко получше меня, и Пётр Иванович получше, и многие другие... Значит, они мне не ровня и я им не ровня, я это чувствую. Они вылечили Мишку Усова и рады... А я этого не понимаю. И вообще чему радоваться, коли человек: выздоровел? Жизнь у него хуже холерной судороги, ежели говорить по правде. Они понимают это, а - рады... И я тоже хотел бы порадоваться, как они, а не могу... Потому что - чему же радоваться, опять-таки?"

- А они жалеют людей, - возразила Матрёна. - У нас тоже... начнёт поправляться больная, так, господи, что делается! А которая бедная идёт на выписку, так ей и советов, и денег, и лекарств надают... Даже слеза меня прошибает... добрые люди!

- Вот ты говоришь - слеза... А меня удивление берёт... Больше ничего. - Орлов повёл плечами и потёр себе голову, недоумевающе поглядев на жену.

У неё откуда-то явилось красноречие, и она с усердием начала доказывать мужу, что люди достойны жалости. Наклонясь к нему, глядя в лицо его ласкающими глазами, она долго говорила ему про людей и тяжесть жизни, а он смотрел на неё и думал:

"Ишь как говорит! Откуда у неё слова?"

- Ведь и сам ты жалостливый - говоришь, удушил бы холеру, ежели бы сила. А - для чего? Тебе от того, что она явилась, даже лучше жить стало.

Орлов вдруг расхохотался.

- А ведь верно! И впрямь лучше! Ах ты, дуй её горой! Люди мрут, а мне от этого жить лучше, а?... Вот так жизнь! Тьфу!

Он встал и, смеясь, ушёл на дежурство. Когда он шёл по коридору, у него вдруг явилось сожаление о том, что, кроме него, никто не слышал речей Матрёны. "Ловко говорила! Баба, баба, а тоже понимает кое-что". И, охваченный приятным чувством, он вошёл в своё отделение навстречу хрипам и стонам больных.

Матрёна, в свою очередь, всячески старалась расширить своё возрастающее значение в жизни мужа. Трудовая, бойкая жизнь сильно приподняла её самооценку.

Она не думала, не рассуждала, но, вспоминая свою прежнюю жизнь в подвале, в тесном кругу забот о муже и хозяйстве, невольно сравнивала прошлое с настоящим, и мрачные картины подвального существования постепенно отходили всё далее и далее от неё. Барачное начальство полюбило её за сметливость и умение работать, все относились к ней ласково, в ней видели человека, это было ново для неё, оживляло её...

Однажды, во время ночного дежурства, толстая докторша начала расспрашивать её об её жизни, и Матрёна, охотно и открыто рассказывая ей про свою жизнь, вдруг замолчала, улыбаясь.

- Ты что смеёшься? - спросила докторша.

- Да так... очень уж плохо жила я... и ведь, поверите ли, милая моя барыня, - не понимала я этого, вот до сего часу не понимала, как плохо.

После этого смотра прошлому в душе Орловой родилось странное чувство к мужу, – она всё так же любила его, как и раньше, – слепой любовью самки, но ей стало казаться, как будто Григорий – должник её. Порой она, говоря с ним, принимала тон покровительственный, ибо он часто возбуждал в ней жалость своими беспокойными речами. Но всё-таки иногда её охватывало сомнение в возможности тихой и мирной жизни с мужем, хотя она верила, что Григорий остепенится и погаснет в нём его тоска.

Роковым образом они должны были сблизиться друг с другом, и – оба молодые, трудоспособные, сильные – зажили бы серой жизнью полусытой бедности, кулацкой жизнью, всецело поглощённой погоней за грошом, но от этого конца их спасло то, что Гришка называл своим "беспокойством в сердце" и что не могло помириться с буднями.

Утром хмурого сентябрьского дня на двор барака въехала фура, и Пронин вынул из неё маленького мальчика, перепачканного красками, костлявого, жёлтого, едва дышавшего.

– Опять из дома Петунникова, с Мокрой улицы, – сообщил возница на вопрос, откуда больной.

– Чижик! – огорчённо вскричал Орлов, – ах ты, господи! Сенька! Чиж! Ты меня узнаёшь?

– У...узнал, – с усилием сказал Чижик, лёжа на носилках и медленно заводя глаза под лоб, чтобы видеть Орлова, который шёл у него в головах и склонился над ним.

– Ах ты, – весёлая птица! Как же это ты сбрендил? – спрашивал Орлов. Он был странно встревожен видом этого мальчугана, измученного болезнью. Мальчишку-то за что? – воплотил он в один вопрос свои ощущения, печально качнув головой.

Чижик молчал и пожимался.

– Холодно, – сказал он, когда, положив на койку, стали снимать с него покрашенные всеми красками лохмотья.

– А вот мы тебя сейчас в горячую воду пустим, – обещал Орлов. – И вылечим.

Чижик потряс головёнкой и зашептал:

– Не вылечишь... Дяденька Григорий... наклонись-ка... ухом. Гармонику-то я стащил... Она – в дровянике... Третьего дня в первый раз тронул после того, как украл. А-ах какая! Спрятал её, а тут и брюхо заболело... Вот... Значит, за грех это... Она под лестницей на стенке висит... дровами я её заложил... Вот... Ты, дяденька Григорий, отдай её... У гармониста сестра есть... Спрашивала... От-да-ай!.. – Он застонал и начал корчиться в судорогах.

С ним сделали всё, что могли, но истощённое, худое тельце некрепко держало в себе жизнь, и вечером Орлов нёс его на носилках в мертвецкую. Нёс и чувствовал себя так, точно его обидели.

В мертвецкой Орлов попробовал расправить тело Чижика, это ему не удалось. Орлов ушёл убитый, хмурый, унося с собой образ изувеченного страшною болезнью весёлого мальчика.

Его охватило расслабляющее сознание своего бессилия перед смертью. Сколько он хлопотал около Чижика, как ревностно трудились над ним доктора умер мальчик! Обидно... Вот и его, Орлова, схватит однажды, скрючит, и кончено. Ему стало страшно, его охватило одиночество. Поговорить бы с умным человеком насчёт всего этого! Он не раз пробовал завести разговор с кем-либо из студентов, но никто не имел времени для философии. Приходилось идти к жене и говорить с ней. Он пошёл, хмурый и печальный.

Она мылась в углу комнаты, но самовар уже стоял на столе, наполняя воздух паром и шипением.

Григорий молча сел, глядя на голые, круглые плечи жены. Самовар бурлил,

Супруги Орловы. Максим Горький gorki.ucoz.ru
плескалась вода, Матрёна фыркала, по коридору взад и вперёд быстро бегали
служители, Орлов по походке старался определить, кто идёт.

Вдруг ему представилось, что плечи Матрёны так же холодны и покрыты таким же
липким потом, как у Чижика, когда тот корчился в судорогах на больничной койке.
Он вздрогнул и глухо сказал:

- Умер Сенька-то...

- Умер?! Царство небесное новопреставленному отроку Семёну! молитвенно сказала
Матрёна и вслед за тем начала свирепо плевать - мыло попало в рот.

- Жалко мне его, - вздохнул Григорий.

- Озорник больно был.

- Умер и - шабаш! Не твоё теперь дело, каков он был... А что умер это жалко.
Бойкий был. Гармонику... Гм! ловкий мальчонка... Я иной раз смотрел на него и
думал: взять его к себе вроде как в ученика... Сирота... привык бы и стал
заместо сына нам... Здоровенная ты, а не родишь... Родила один раз, да и
кончено. Эх ты! Были бы у нас пискуны этикие, глядишь, не так скучно жилось бы
нам... А то вот живи, работай... А для чего? Для пропитания своего и твоего... А
куда мы... куда нам пропитание? Чтобы работать... Колесо бессмысленное
выходит... А ежели были бы дети - другой разговор. Н-да...

Он говорил, низко опустив голову, тоном грусти и недовольства. Матрёна стояла
перед ним и слушала, постепенно бледнея.

- Я здоровый, ты здоровая, а детей нет... Почему? Н-да... Думаешь, думаешь
этак-то и... запьёшь.

- Врёшь! - твёрдо и громко сказала Матрёна. - Врёшь ты! Не смей ты мне этих
подлых твоих слов говорить... слышишь? Не смей! Пьёшь ты - так себе, из
баловства, потому что сдержаться не можешь, а бездетство моё ни при чём тут;
врешь!

Григорий был ошеломлён. Он откинулся на спинку стула, взглянул на жену и не
узнал её. Никогда раньше он не видал её такую разъярённой, никогда не смотрела
она на него такими безжалостно злыми глазами и не говорила с такой силой.

- Ну, ну?! - вызывающе произнёс Григорий, вцепившись руками в сиденье стула. -
Ну-ка, говори ещё!

- И скажу! Не сказала бы, но укора твоего такого не могу снести! Не рожу я тебе?
И не буду! Не могу уж... Не рожу!.. - рыдание послышалось в её крике.

- Не ори, - предупредил её муж.

- Почему не рожу, а? Ну-ка вспомни, сколько ты меня бил? Сколько пинков в бока
мне насыпал?... Сосчитай-ка! Как ты мучил, истязал меня? Знаешь ли ты, сколько
крови из меня лилось после мучительства твоего? По шею рубаха-то в крови бывала!
Вот почему не рожу, муж милый! Как же ты можешь упреки мне делать за это, а? Как
же харе твоей не совестно смотреть-то на меня?... Ведь убивец ты! Понимаешь ли -
убивец! Убивал ты, сам убивал деток-то своих! а теперь меня упрекаешь за то, что
не рожу... Всё я от тебя сносила, всё я тебе прощала, - этаких слов веками не
прошу! Умирать буду - вспомню! Неужто ты не понимаешь, что сам виноват, что
извёл ты меня? Неужто я не как все женщины - не хочу детей! Многие ночи я, не
спамши, господа бога молила сохранить дитя в утробе моей от тебя, убивца... Вижу
дитя чужое - горечью захлёбываюсь от зависти да жалости к себе... Мне бы...
Царица небесная!.. Семку этого... тихонько ласкала... Что я? Господи!
Бесплодная...

Она стала задыхаться. Слова прыгали из её рта без смысла и связи.

Лицо у неё было в пятнах, она дрожала и царапала себе шею, - в горле её
клокотали рыдания. Крепко держась за стул, Григорий, бледный, подавленный, сидел
против неё и широко раскрытыми глазами смотрел на эту, чужую ему женщину. И
боялся её - боялся, что она вцепится ему в горло и задушит его. Именно это

Супруги Орловы. Максим Горький gorki.ucoz.ru
обещали ему её страшные, горящие злобой глаза. Она была теперь вдвое сильнее его, он это чувствовал и трусил; не мог встать и ударить её, как сделал бы, если бы не понимал, что она переродилась, впитав великую силу откуда-то.

- Душу ты мне задел... Велик твой грех передо мной! Терпела я, молчала... люблю тебя потому что - но не могу я попрека такого снести!.. Сил уж нет... Богоданный ты мой! будь ты за слова твои трижды проклят...

- Молчать! - рявкнул Гришка, оскалив зубы.

- Вы, скандалисты! Забыли, где вы?

У Григория был туман в глазах. Не видя, кто стоит в двери, выругался скверными словами, оттолкнул человека в сторону и убежал в поле. А Матрёна, постояв среди комнаты с минуту, шатаясь, точно слепая, протянув руки вперёд, подошла к койке и со стоном свалилась на неё.

Темнело, в окна комнаты с неба из сизых, рваных туч заглядывала любопытно золотистая луна. Но вскоре по стёклам окон и стене барака зашуршал мелкий частый дождь - предвестник бесконечных, наводящих тоску дождей осени.

Маятник часов равномерно отбивал секунды, неустанно били в стёкла капли дождя. Один за другим шли часы, и дождь всё шёл, а на койке неподвижно лежала женщина, глядя воспалёнными глазами в потолок; зубы её крепко стиснуты, скулы выдались. Дождь всё шуршал о стены и стёкла; казалось, он настойчиво шепчет что-то утомительно однообразное, хочет убедить кого-то в чём-то, но не имеет достаточно страсти для того, чтобы сделать это быстро, красиво, и надеется достичь своей цели мучительною, бесконечной, бесцветною проповедью, в которой нет искреннего пафоса веры.

Дождь шёл и тогда, когда небо покрылось предрассветной серостью, обещающей ненастный день. Матрёна не могла уснуть. В монотонном шуме дождя она слышала тоскливый и пугавший её вопрос:

"что теперь будет?"

Ответ вспыхивал перед нею в образе пьяного мужа. Ей было трудно расстаться с мечтой о спокойной, любовной жизни, она сжилась с этой мечтой и гнала прочь угрожающее предчувствие. И в то же время у неё мелькало сознание, что, если запьёт Григорий, она уже не сможет жить с ним. Она видела его другим, сама стала другая, прежняя жизнь возбуждала в ней боязнь и отвращение - чувства новые, ранее неведомые ей. Но она была женщина и стала обвинять себя за размолвку с мужем.

- И как это всё вышло?.. О, господи!.. Точно я с крючка сорвалась...

Рассвело. В поле клубился тяжёлый туман и неба не видно было сквозь его серую мглу.

- Орлова! Дежурить...

Повинуясь зову, брошенному в дверь её комнаты, она поднялась с постели, наскоро умылась и пошла в барак, чувствуя себя бессильной, полубольной. В бараке она вызвала общее недоумение вялостью и угрюмым лицом с погасшими глазами.

- Вам нездоровится? - спросила её докторша.

- Ничего...

- Да вы скажите, не стеснясь! Ведь можно заменить вас...

Матрёне стало совестно, ей не хотелось выдавать боли и страха пред этим хорошим, но всё-таки чужим ей человеком. И, почерпнув из глубины своей измученной души остаток бодрости, она, усмехаясь, сказала докторше:

- Ничего! С мужем немножко повздорила... Пройдёт это... не в первинку...

- Бедная вы! - вздохнула докторша, зная её жизнь.

Матрёне хотелось ткнуться головой в её колени и зареветь... Но она только плотно сжала губы да провела рукой по горлу, отталкивая готовое вырваться рыдание назад в грудь.

Сменившись с дежурства, она вошла в свою комнату и посмотрела в окно. По полю к бараку двигалась фура – должно быть, везли больного. Мелкий дождь сыпался... Больше ничего не было. Матрёна отвернулась от окна и, тяжело вздохнув, села за стол, занятая вопросом:

"Что теперь будет?"

Долго сидела она в тяжёлой полудремоте, каждый раз шум шагов в коридоре заставлял её вздрагивать и, привстав со стула, смотреть на дверь...

Но когда, наконец, эта дверь отворилась и вошёл Григорий, она не вздрогнула и не встала, ибо почувствовала себя так, точно осенние тучи с неба вдруг опустились на неё всей своей тяжестью.

А Григорий остановился у порога, бросил на пол мокрый картуз и, громко топая ногами, пошёл к жене. С него текла вода. Лицо у него было красное, глаза тусклые и губы растягивались в широкую, глупую улыбку. Он шёл, и Матрёна слышала, как в сапогах его хлюпала вода. Он был жалок, таким она не ждала его.

– Хорош! – сказала она.

Григорий глупо мотнул головой и спросил:

– Хочешь, в ноги поклонюсь?

Она молчала.

– Не хочешь? Твоё дело... А я всё думал: виноват я пред тобой или нет? Выходит – виноват. Вот я и говорю – хочешь, в н-ноги поклонюсь?

Она молчала, вдыхая запах водки, исходивший от него, душу её разъедало горькое чувство.

– Ты вот что – ты не кобенься! Пользуйся, пока я смиренный, – повышая голос, говорил Григорий. – Ну, прощаешь?

– Пьяный ты, – сказала Матрёна, вздыхая. – Иди-ка спать...

– Врёшь, я не пьяный, а – устал я. Я всё ходил и думал... Я, брат, много думал... о! ты смотри!..

Он погрозил ей пальцем, криво усмехаясь.

– Что молчишь?

– Не могу я с тобой говорить.

– Не можешь? Почему?

Он вдруг весь вспыхнул, и голос у него стал твёрже.

– Ты вчера накричала на меня тут, налаяла... ну, а я вот у тебя прощенья прошу. Понимай!

Он сказал это зловеще, у него вздрагивали губы и ноздри раздувались. Матрёна знала, что это значит, и пред ней в ярких образах воскресало прежнее: подвал, субботние сражения, тоска и духота их жизни.

– Понимаю я! – резко сказала она. – Вижу, – опять ты озвереешь теперь... эх ты!

– Озверю? Это к делу не идёт... Я говорю: простишь? Ты что думаешь? Нужно мне оно, твоё прощенье? Обойдусь и без него, а хочу вот, чтоб ты меня простила... Поняла?

- Уйди, Григорий! - тоскливо воскликнула женщина, отвертываясь от него.

- Уйти? - зло засмеялся Гришка. - Уйти, а ты чтобы осталась на воле? Ну, не-ет! А ты это видела?

Он схватил её за плечо, рванул к себе и поднёс к её лицу нож короткий, толстый и острый кусок ржавого железа.

- Эх, кабы ты меня зарезал, - глубоко вздохнув, сказала Матрёна и, освободясь из-под его руки, вновь отвернулась от него. Тогда и он отшатнулся, поражённый не её словами, а тоном их. Он слышал из её уст эти слова, не раз слышал, но так - она никогда не говорила их. Минуту назад ему было бы легко ударить её, но теперь он не мог и не хотел этого. Почти испуганный её равнодушием, он бросил нож на стол и с тупой злобой спросил:

- Дьявол! Чего тебе нужно?

- Ничего мне не надо! - задыхаясь, крикнула Матрёна. - Ты что? Убить пришёл? Ну и убей.

Орлов смотрел на неё и молчал, не зная, что ему делать. Он пришёл с определённым намерением победить жену. Вчера, во время столкновения, она была сильнее его, он это чувствовал, и это унижало его в своих глазах. Непременно нужно было, чтобы она опять подчинилась ему, он твёрдо знал нужно! Натура страстная, он много пережил и передумал за эти сутки и тёмный человек - не умел разобраться в хаосе чувств, которые возбудила в нём жена брошенным ему правдивым обвинением. Он понимал, что это восстание против него, и принёс с собой нож, чтоб испугать Матрёну; он убил бы её, если б она не так пассивно сопротивлялась его желанию подчинить её. Но вот она была пред ним, беззащитная, убитая тоской и - всё-таки сильнее его. Ему было обидно видеть это, и обида действовала на него отрезвляюще.

- Слушай! - сказал он, - ты не фордыбачь! Ты знаешь, я ведь и в самом деле - ахну вот тебя в бок - и шабаш! И всей истории будет точка!.. Очень просто...

Почувствовав, что он говорит не то, что нужно, Орлов замолчал. Матрёна не двигалась, отвернувшись от него. В ней бился этот неотвязный вопрос:

"что теперь будет?"

- Мотря! - тихо заговорил Григорий, опираясь на стол рукой и наклонясь к жене. - Али я виноват, что... всё не в порядке?..

Он покрутил головой, вздохнув.

- Так тошно! Ведь разве это жизнь? Ну, скажем, холерные, - что они? Разве они мне поддержка? Одни помрут, другие выздоровеют... а я опять должен буду жить. Как? Не жизнь - судорога... разве не обидно это? Ведь я всё понимаю, только мне трудно сказать, что я не могу так жить... Их вон лечат и всякое им внимание.. а я здоровый, но ежели у меня душа болит, разве я их дешевле? Ты подумай - ведь я хуже холерного... у меня в сердце судороги! А ты на меня кричишь!.. Ты думаешь, я - зверь? Пьяница - и всё тут? Эх ты... баба ты!

Он говорил тихо и вразумительно, но она плохо слышала его речь, занятая строгим взглядом прошлого.

- Ты вот молчишь, - говорил Гришка, прислушиваясь, как в нём растёт что-то новое и сильное. - А что ты молчишь? Чего ты хочешь?

- Ничего я от тебя не хочу! - воскликнула Матрёна. - Что мучишь? Чего тебе надо?

- Чего! А того... чтобы, стало быть...

Но тут Орлов почувствовал, что не может сказать ей, чего именно ему нужно, - так сказать, чтоб всё сразу было ясно и ему и ей. Он понял, что между ними образовалось что-то, чего уже не свяжешь никакими словами...

Супруги Орловы. Максим Горький gorki.ucoz.ru

Тогда в нём вдруг вспыхнула дикая злоба. Он с размаха ударил жену кулаком по затылку и зверем зарычал:

- Ты что, ведьма, а? Ты что играешь? Убью!

Она от удара ткнулась лицом в стол, но тотчас же вскочила на ноги и, глядя в лицо мужа взглядом ненависти, твёрдо, громко сказала:

- Бей!

- Цыц!

- Бей! Ну?

- Ах ты, дьявол!

- Нет уж, Григорий, будет! Не хочу я больше этого...

- Цыц!

- Не дам я тебе измываться надо мной...

Он заскрипел зубами и отступил от неё на шаг - быть может, для того, чтоб удобнее ударить её.

Но в этот момент дверь отворилась, и на пороге явился доктор Ващенко.

- Эт-то что такое? Вы где, а? Вы что это тут разыгрываете?

Лицо у него было строгое, изумлённое. Орлов нимало не смутился при виде его и даже поклонился ему, говоря:

- А так это... дезинфекция промежду мужем и женой...

И он судорожно усмехнулся в лицо доктору...

- Ты почему не явился на дежурство? - резко крикнул доктор, раздражённый усмешкой.

Гришка пожал плечами и спокойно объявил:

- Занят был... по своим делам...

- А скандалил тут вчера - кто?

- Мы...

- Вы? Очень хорошо... Вы ведёте себя по-домашнему... без спроса шлёетесь...

- Не крепостные потому что...

- Молчать! Кабак вы тут устроили... скоты! Я покажу вам, где вы...

Прилив дикой удали, страстного желания всё опрокинуть, вырваться из гнетущей душу путаницы горячей волной охватил Гришку. Ему показалось, что вот сейчас он сделает что-то необыкновенное и сразу разрешит свою тёмную душу от пут, связавших её. Он вздрогнул, почувствовал приятный холодок в сердце и, с какой-то кошачьей ужимкой повернувшись к доктору, сказал ему:

- Вы но беспокойте глотку, не орите... я знаю, где я, - в морильне!

- Что-о? Как ты сказал? - нагнулся к нему поражённый доктор.

Гришка понял, что сказал дикое слово, но не охладел от этого, а ещё более распалился.

- Ничего, сойдёт! Скушаете... Матрёна! Собирайся.

Супруги Орловы. Максим Горький gorkiymaxim.ru

- Нет, голубчик, стой! Ты мне ответь... - с зловещим спокойствием произнёс доктор. - Я тебя, мерзавец, за это...

Гришка в упор смотрел на него и заговорил, чувствуя себя так, точно он прыгает куда-то и с каждым прыжком ему дышится всё легче...

- Вы не кричите... не ругайтесь... Вы думаете, ежели холера, то вы и можете надо мной командовать. Напрасная мечта... Что вы лечите, так это даже и не нужно никому... А что я сказал - морилка, это. конечно, я дразнился... Но вы всё-таки не очень орите...

- Нет, врешь! - спокойно сказал доктор. - Я тебя проучу... эй, подите сюда!

В коридоре уже столпились люди... Гришка прищурил глаза и сцепил зубы...

- Я не вру и не боюсь... а коли вам нужно проучить меня, то я для вашего удобства и ещё скажу...

- Н-ну? Скажи...

- Я пойду в город и цыкну: "Ребята! А знаете, как холеру лечат?"

- Что-о? - широко раскрыл глаза доктор.

- Так тогда мы тут такую дезинфекцию с лиминацией...

- Что ты говоришь, чорт тебя возьми! - глухо вскричал доктор. Раздражение уступило в нём место изумлению пред этим парнем, которого он знал как трудолюбивого и неглупого работника и который теперь, неизвестно зачем, бестолково и нелепо лез в петлю...

- Что ты мелешь, дурак?

"дурак!" - отозвалось эхом во всём существе Гришки. Он понял, что этот приговор справедлив, и ещё более обиделся.

- Что я говорю! Я знаю... Мне всё равно... - говорил он, сверкая глазами. - Я так понимаю теперь, что нашему брату всегда всё равно... и совсем напрасно стесняемся мы в наших чувствах... Матрёна, собирайся!

- Я не пойду! - твёрдо заявила Матрёна.

Доктор смотрел на них круглыми глазами и тёр себе лоб, ничего не понимая.

- Ты... пьяный или сумасшедший человек! понимаешь ты, что делаешь?

Гришка не сдавался, не мог сдаться. И в ответ доктору он говорил иронически:

- А вы как понимаете? Вы-то что делаете? Дезинфекцию, ха, ха! Больных лечите... а здоровые помирают от тесноты жизни... Матрёна! Башку разобью! Иди...

- Я с тобой не пойду!

Она была бледна, неестественно спокойна, глаза её смотрели в лицо мужа твёрдо и холодно. Гришка, несмотря на весь свой геройский кураж, отвернулся от неё и, опустив голову, замолчал.

- Тыфу! - плюнул доктор. - Сам дьявол не разберет, что это такое... Ты! Пошёл вон! Ступай и благодари, что я тебя не приструнил... тебя бы следовало под суд... болван! Пошёл!

Григорий молча взглянул на доктора и опять поник. Ему было бы лучше, если бы его побили или хоть отправили в полицию...

- Последний раз говорю - идёшь ты? - сипло спросил Гришка жену.

- Нет, не пойду, - ответила она и немножко согнулась, точно ожидая удара.

Гришка махнул рукой.

- Ну... чорт вас всех возьми!.. Да и на кой дьявол вы нужны мне?

- Ты, дубина дикая, - урезонивающе начал доктор.

- Не лайтеесь! - крикнул Гришка. - Ну, шлюха проклятая, - ухожу я! Чай, не увидимся... а может, увидимся... это уж как я захочу! Но ежели увидимся - нехорошо тебе будет, так и знай!

И Орлов двинулся к двери.

- Прощай, - трагик! - сардонически сказал доктор, когда Гришка поравнялся с ним.

Григорий остановился и, подняв на доктора тоскливо сверкавшие глаза, сдержанно и негромко заявил:

- А вы меня не троньте... не заводите пружину сначала... развернулась она, никого не задела... ну и ладно!

Он поднял с пола картуз, налепил его себе на голову, поёжился и ушёл, не взглянув на жену.

На неё пытливо смотрел доктор. Она стояла пред ним бледная. Доктор кивнул головой вслед Григорию и спросил:

- Что с ним?

- Не знаю...

- Гм... А куда он теперь?

- Пьянствовать! - твёрдо ответила Орлова.

Доктор повёл бровями и ушёл.

Матрёна посмотрела в окно. От барака к городу в вечернем сумраке, под дождём и ветром быстро двигалось фигура мужчины. Одна, среди мокрого, серого поля...

...Лицо Матрёны Орловой побледнело ещё более, она оборотилась в угол, стала на колени и начала молиться, усердно отбивая земные поклоны, задыхаясь в страстном шопоте молитвы и растирая грудь и горло дрожащими от возбуждения руками.

Однажды я осматривал ремесленную школу в N. Моим чичероне был знакомый человек, один из основателей её. Он водил меня по образцово устроенной школе и рассказывал:

- Как видите, мы можем похвалиться... чадо наше растёт и развивается на славу. Учительский персонал на удивление подобрался. В сапожной и башмачной мастерской, например, учительница - простая сапожница, баба, даже бабёночка, вкусная такая, шельма, но безупречнейшего поведения. Впрочем, это к чорту... н-да. Так вот, эта бабочка - простая, говорю, сапожница, но - как она работает!.. как умело преподаёт своё ремесло, с какою любовью относится к ребятишкам - изумительно! Бесценная работница... работает за двенадцать рублей и квартиру при школе... и ещё двух сирот содержит на свои убогие средства! Это, я вам скажу, преинтересная фигура.

Он так усердно расхваливал сапожницу, что вызвал во мне желание познакомиться с ней.

Это скоро устроилось, и вот однажды Матрёна Ивановна Орлова рассказывала мне свою печальную жизнь. Первое время после того, как она разошлась с мужем, он не давал ей покоя: приходил к ней пьяный, устраивал скандалы, подстерегал её всюду и бил нещадно. Она терпела.

Когда барак закрыли, докторша предложила Матрёне Ивановне устроить её при школе и оградить от мужа. И то и другое удалось, и Орлова зажила спокойною, трудовую жизнь; выучилась под руководством знакомых фельдшерниц грамоте, взяла себе на

Супруги Орловы. Максим Горький gorkiymaxim.ru

воспитание двух сирот из приюта – девочку и мальчика – и работает, довольная собой, с грустью и со страхом вспоминая своё прошлое. В воспитанниках своих она души не чаёт, значение своей деятельностью понимает широко, относится к ней сознательно и среди заправил школы заслужила общее уважение к себе. Но она кашляет сухим, подозрительным кашлем, на впалых щеках её горит зловещий румянец, в серых глазах ютится много грусти.

Мне удалось познакомиться и с Орловым. Я нашёл его в одной из городских трущоб, и в два-три свидания мы с ним были друзьями. Повторив историю, рассказанную мне его женой, он задумался ненадолго и потом сказал:

– Вот так-то, значит, Максим Савватеич, приподняло меня, да и шлёпнуло. Так я никакого геройства и не совершил. А и по сю пору хочется мне отличиться на чём-нибудь... Раздробить бы всю землю в пыль или собрать шайку товарищей! Или вообще что-нибудь этакое, чтобы стать выше всех людей и плюнуть на них с высоты... И сказать им: "Ах вы, гады! Зачем живёте? Как живёте? Жульё вы лицемерное и больше ничего!" А потом вниз тормашками с высоты и – вдребезги! Н-да-а! А-ах как скучно и тесно жить!.. Думал я, сбросив с шеи Матрёшку: "Н-ну, Гриня, плавай свободно, якорь поднят!" Ан не тут-то было – фарватер мелок! Стоп! И сиду на мели... Но не обсохну, не бойсь! Я себя проявлю! Как? – это одному дьяволу известно... жена? Ну её ко всем чертям! Разве таким, как я, жена нужна. На кой её... когда меня во все четыре стороны сразу тянет... Я родился с беспокойством в сердце .. и судьба моя – быть босяком! Ходил я и ездил в разные стороны... никакого утешения.. Пью? Конечно, а как же? Всё-таки водка – она гасит сердце... А горит сердце большим огнём... Противно всё – города, деревни, люди, разных калибров.. Тьфу! Неужто же лучше этого и выдумать ничего нельзя? Все друг на друга... так бы всех и передудил! Эх ты, жизнь, дьявольская ты премудрость!

Тяжёлая дверь кабака, в котором сидел я с Орловым, то и дело отворялась и при этом как-то сладострастно повизгивала. И внутренность кабака возбуждала представление о какой-то пасти, которая медленно, но неизбежно поглощает одного за другим бедных русских людей, беспокойных и иных...

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые напечатано в журнале "Русская мысль", 1897, книга X, октябрь, с подзаголовком "Набросок".

Рассказ неоднократно подвергался значительной авторской правке.

Наиболее существенные изменения были сделаны М.Горьким при подготовке текста рассказа к первому изданию тома первого "Очерков и рассказов", 1898. Помимо многочисленных стилистических поправок и сокращений текста, М.Горький совершенно переработал сцену разрыва Григория Орлова с женой и заново написал сцену столкновения Орлова с доктором.

Рассказ без подзаголовка включался во все собрания сочинений.

Печатается по тексту, подготовленному М.Горьким для собрания сочинений в издании "Книга".

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!